

DESIGNER
LINA

ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА
ФЕНИКС ЕГО
ВЫСОЧЕСТВА

Елена Соловьева

Феникс Его Высочества

«Топ Груп Бук»

2022

Соловьева Е.

Феникс Его Высочества / Е. Соловьева — «Топ Групп Бук», 2022

Лишившись прошлого, я оказалась на учебной базе телохранителей. И вызубрила главное правило: забудь о себе и живи ради хозяина. Защищай его до последней капли крови. Но кто мог предугадать, что меня выкупит будущий Император Галактики? Один шанс на миллион, и я его получила. Теперь мне предстоит познать силу настоящей любви. Восстановить справедливость и раскрыть чудовищное преступление. Вспомнить, кто я на самом деле, и обрести долгожданное счастье.

© Соловьева Е., 2022

© Топ Групп Бук, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Соловьева

Феникс Его высочества

Пролог

Они пришли ночью. Бесшумные, как призраки, и неотвратимые, как рок. Вырезали часовых, ворвались в спящую колонию. Поднесли багряную жертву безразличной старухе со стальной косой.

Баракы и загоны наполнились криками и запахом паленой плоти. Лазерные винтовки работали непрерывно, уничтожая все на пути.

Я сидела на койке, вжавшись спиной в стену. Скулила, как отбившийся от стаи детеныш. Мне было пять. Или меньше?.. Память милосердна, не то, что те, в черных масках.

В мой закуток ворвался отец (столько лет прошло, а я все еще вижу перед собой его лицо: вечно хмурое, но такое родное). Накрыл полый плаща. Вывел в коридор.

Скулить перестала. Вцепилась в отцовский ремень. Ноги отказывались идти, и отец практически волок меня за собой. Вокруг нас полыхал пожар: языки пламени жадно облизывали стены, рассыпались сотней искр.

Возле самого выхода решила высунуть нос из укрытия. Но отец не позволил.

– Не смотри! – прикрикнул и повел меня дальше.

От ужаса я щелкнула языком, хрипло пискнула. Обратилась в слух. Но в ответ не донеслось ни звука.

– Бесполезно, они не отзовутся, – хрипло выдавил отец.

Я завизжала – громко, пронзительно. Так, что самой заложило уши.

Сзади раздался властный оклик. Отец увернулся от огненного лезвия. Раскрыл плащ и крикнул:

– Бежим!

Я неслась так, что кружилась голова. Пространство вокруг сливалось, в ушах свистел ветер. Казалось, сейчас подпрыгну, расправлю руки – и полечу. И все происходящее окажется лишь страшным сном.

Я зажмурилась: «Сейчас... Открою глаза, и всего этого не будет. Мы с отцом посмеемся и пойдем кормить любимцев. Они такие забавные – почти помню – гладкие, нежные и очень добрые. Наши ангелы. Наше все».

Не вышло. Кошмар не исчез. Всюду огонь. Смерть и разрушение.

Отец упал, выронил меня из рук. Из его горла вырвался сдавленный хрип.

Я всегда слушалась, но на этот раз не смогла. На карачках подползла к отцу и всхлипнула. Луч лазера расщепил отца, как полено.

Подняла полный ненависти взгляд на преследователей: черные тени. Лица, обезображенные масками. Стволы винтовок качнулись в мою сторону.

Припустила. Подпрыгнула – увернулась от первого залпа. Второй прошил землю под ногами. Чиркнул по босой пятке.

Третий. Четвертый. Прыжок – уклон влево – подскок. Хохот за спиной: издевались, им было смешно. Не сомневались, что поймают. Не знали.

Там, за жилым баракком, меня ждало спасение. Колодец. Глубокий. Его копали еще до нас – искали воду. Не нашли. А мы сумели, но это уже не важно.

В бешеной пляске достигла цели. Страшно. Но руки выполнили команду без задержки. Сдвинули в сторону крышку.

Воздух над головой раскалился. Враги перестали ржать. Сосредоточились на стрельбе.

Я всегда была ловкой, быстрой. И удачливой. Прижалась к песчаной почве. Нашупала веревочную лестницу. Начала спуск.

Топот ног догнал меня на седьмой «ступеньке». Я знала – там есть небольшое углубление. В этой нише повар хранил продукты.

Скинула в воду емкости с продпайками, лестницу. Затихла.

– Хей! – грозный окрик прошел меня не хуже лазера. – Вылезай!

Я молчала. Сердце билось где-то в желудке. Ртом судорожно хватала воздух. В боку кололо, а спина горела огнем.

– Все одно – сдохнет! – припечатал другой голос, скрипучий и выцветший.

Громыкнула крышка. Преследователи снова заржали. Тьма укрыла меня душным покрывалом. Адская боль в спине подобралась к горлу. Я чувствовала: скоро умру. Никто не придет мне на помощь. Луч, погубивший отца, дотянулся и до меня.

Перед глазами разлилась огненная река. Бурный поток подхватил меня и выбросил на берег беспамятства. Прямо под ноги голодному зверю ужаса, терзающего тысячами игл и сотней острых клинков. Безжалостному и беспощадному.

Время зажгло красный фонарь с надписью «stop». Все ушло. Осталась боль, страх и желание умереть. Остановить бесконечную пытку.

Краткие вспышки сознания сменялись новыми приступами отчаяния и провалами в небытие. Сил не хватало. Как ни пыталась, так и не перекатилась на бок. Не упала в спасительную воду – она могла хоть на мгновение остудить полыхающую спину. Смочить пересохшее горло.

Новый рывок в реальность и старая боль. Металлический предмет ударился о стены моей тюрьмы. Этот звук ввинтился в мой мозг, выдернул из цепких лап забвения.

Всплеск воды сообщил: кто-то там, за пределами каменного склепа, испытывал жажду. Я тоже хотела пить. Пить и выжить. Или сдохнуть и никогда больше не слышать гнетущей тишины, разрывающей барабанные перепонки.

Сжала зубы так, что треснула эмаль. С нечеловеческим рыком повернулась. Мое тело плавно поползло вниз. Соскользнуло с выступа.

Падение закончилось быстро. Я попала точно в цель: широкая посудина поймала меня в мокрые силки.

Ухватила за толстую веревку ослабевшими руками. Для страховки впила в нее зубами. Спасительное суденышко, покачиваясь и подпрыгивая, продолжило подниматься – с безбилетником на борту.

«Нет, нет, нет, – твердила я про себя, как мантру. – Нужно выдержать...» Голова кружилась. Но пальцы впились в опору намертво. Своды колодца то сужались, то расширялись. Или мне так казалось?

– А это еще что? – удивленно воскликнул мой невольный спаситель.

Или будущий убийца.

Мне было все равно. Хотелось оказаться там, возле отца. Навсегда закрыть глаза и раствориться в извечной тьме космоса.

Сильная рука схватила меня за шкуру. Приподняла в воздухе. Повертела, как тряпичную куклу.

– Жива, вроде... – голос был твердым и властным. Незнакомым.

Попыталась разлепить глаза. Но веки, словно залитые горячим воском, даже не дрогнули. Руки и ноги судорожно трепыхались. Из рта вырвался сдавленный скрежет.

К губам прикоснулось холодное. Тонкая струйка воды скатилась по горлу. Упала в пустой желудок. Я сглотнула, раздирая черствую глотку. Закашлялась.

Вода вышла обратно. Спазм прокатился по гортани, меня вывернуло наизнанку.

– Плохо дело, – вяло сообщил тот же голос. – Единственный свидетель.

Меня уложили на что-то мягкое: спиной вверх. Голову повернули так, чтобы я могла дышать. Осмотрели спину.

– М-да, шансов мало. Рана отсырела и загноилась.

Уши остались единственным органом, который работал исправно. И я пользовалась им в полной мере. Продираясь сквозь боль, жадно ловила обрывки фраз. От них становилось только страшнее.

Меня волокли по камням. Я слышала топот множества ног и раздраженные возгласы.

– Нашли животных?

– Их уничтожили...

– Как?! Зачем? Они же и нападали ради них...

– Их уничтожили не налетчики – кто-то другой.

– С чего вы взяли?!

– У нападавших не было огнеметов. Только лазерные винтовки.

«Наши любимцы...» – дошел до меня смысл сказанного. Захотелось завывать. Погибли... все погибли: родные, друзья, знакомые. Нелюди в масках не пощадили даже их, наших питомцев.

Волокуши подпрыгнули на кочке. Меня подбросило: вой, похожий на стон, сорвался с потрескавшихся губ.

– Брось ты ее, – посоветовал ворчливый, похожий на скрежет металла, голос. – Кому она теперь нужна?..

– Ничего, не таких выхаживал, – возразил могучий, почти медвежий бас.

– А потом что? Императору дармоеды не нужны, а в колонии ребенку одному не выжить. Есть еще работные дома, но лучше сразу добить. Гуманнее выйдет.

– К себе заберу: дам шанс. Какой могу...

– Так девка же?..

– А я своим в штаны не заглядываю. Пусть попробует. Смотри: крепенькая, вроде. Жилистая.

– Это верно. А раз в такой резне выжила, знать, еще и фартовая.

Волокуши снова споткнулись о преграду: резкая боль и судорога. И темнота...

Щедрое забвение накрыло меня душным пологом. Спрятало от ужаса и страданий. Пожалело. Оставило в памяти только яркую вспышку прошлой жизни.

Глава 1

Бобер подкрался к моей лежанке, как мышь к пайке – бесшумно и боязливо. Согнул ногу в колене. Прицелился.

– Подъем, Фартовая! – взревел он и попытался пнуть меня в пятую точку.

Ага, шаз! Я эти его штучки давно выучила. Поворот, выпад – и его пятка в моих руках. Вцепилась большим и указательным пальцем в ахиллесово сухожилие. Потянула – слабенько так, больше обозначая.

Бобер взвыл и по инерции пролетел вперед. Впечатался головой в перекрытие. Его приплюснутую макушку припорошило бетонной крошкой.

– И охота вам в такую рань, – протянул со своей лежанки Дылда.

– Когда-нить я ее уем, – пообещал Бобер, потирая одновременно макушку и пятку.

– Ты уж так лет десять грозишься, – хохотнул Дылда.

Одним прыжком соскочил с койки и потянулся. Нисколько не стесняясь, громко испортил воздух.

Мы с Бобром одновременно зажали носы.

– Фи, какие неженки, – упрекнул нас Дылда и повторил газовую атаку.

Спасть расхотелось. Совсем. Схватила в охапку одежду и поскакала к помывочной.

Но Чистюля занял ее первым. Мурлыкая себе под нос незатейливый мотивчик, он шумно отфыркивался от ледяной воды.

– Здорово, Фартовая, – поприветствовал он меня. – Что, Бобру все нейдет?

– Ага, – кивнула я.

Схватила зубную щетку, прислонилась к стеночке.

– Ты не могла бы подождать за дверью? – полуприказным тоном поинтересовался Чистюля.

– Да ладно те, – попробовала возразить.

Демонстративно отвернулась и продолжила чистить зубы.

Прием как всегда сработал: Чистюля по-быстрому свинтил и захлопнул за собой дверь. Подумать только: самый крепкий из нашей команды и самый нежный. То ему вода, понимаешь, протухла, то крыса на костре подгорела. А то и синяк неравномерно по глазу растекся. Не мужик, а деваху на выданье.

Прыснула над собственными мыслями. Нагнулась над единственной раковиной. Из бачка еле-еле бежал тоненький ручеек ржавой жижи. Но я-то не привереда. Пить такое нельзя, а вот умыться и рот прополоскать – запросто.

Дверь отлетела в сторону, предъявляя широченную ряху Малыша.

– Заканчивай с помывкой, – объявил он. – Я пайки притащил. Жрать охота, сил нет терпеть.

В нашей пятерке царила полная гармония и взаимовыручка. Живем вместе, едим вместе и только спим иногда по очереди. Вот так-то.

– Ты о чем-нибудь, кроме еды, вообще думаешь? – ехидно спросила я.

– Точняк, ты, Фартовая, подметила: о бабах еще думаю. Последнее время даже чаще, чем о земной картохе. Ну, ниче, новый тест выдюжим, и Медведь нам вольную даст. Йех, погуляем!

– У-у-у, – протянула я в ответ. Если Малыш забыл о картохе, знать, дело плохо. – И нафига оно вам надо?

Малыш посмотрел на меня жалостливо и покрутил пальцем у виска.

– Вот ты благая совсем. Мужик без бабы, как картоха без колорада.

Тут он нахмурился и с сомнением покачал кудрявой головой. Вспомнил, видать, что я тоже вроде как баба.

– Ты это, домывайся тут. Снаружи подожду.

Я криво усмехнулась и показала приятелю неприличный жест. Малыш заржал и оставил меня одну.

Над потрескавшейся раковиной висело мутное, покрытое темными разводами зеркало. В его серой дымке отражалась девушка-подросток. Атлетическая, подтянутая, с ярко-рыжим ершиком волос. С веснушками. И зелеными, не по-детски грустными глазами. Вместо модного платья – униформа, вместо пудры и помады – свежие ссадины. Тело мускулисто и рельефно, а в душе – вечный сквозняк. Над сердцем расправила крылья легендарная птица – «клеймо» телохранителей.

Оглянулась на дверь, расстегнула молнию куртки: да, грудь есть. Но кто ее видит под этой мешковиной? А, может, и хорошо, что не видят. Ребята считают меня своим парнем. Дружбаном. А дружбану зачем грудь? Верно, незачем.

Я поежилась от промозглого холода. Ох уж этот Тифон: растительности нет, воды нет, ничего нет. Только мы – горстка неограниченных алмазов, – так зовет нас Медведь. И обрабатывает нас. Мнет могучими лапами, выжимает все соки. Лепит, словно из куска глины, себе подобных сторожевых псов. Таких же закоренелых, безжалостных и беспощадных. Готовых распороть глотку любому, кто покусится на хозяина.

Громкий стук в дверь вырвал меня из раздумий.

– Ну, ты че? – рявкнул Бобер. – Померла там, что ли?..

– Не дожدهшься! – огрызнулась я.

Застегнула куртку до горла, сунула кулаки в карманы. Показала отражению язык – будет знать, как кривиться.

В спальне (она же столовая, гостиная, прихожая и много чего еще) ребята успели подогреть пайки и теперь водили возле стола хороводы.

Бобер, тучный здоровяк с квадратной челюстью и массивными резцами, лениво почесывал оттопыренные уши. Дылда, долговязый и худой, разминал голенастые ноги. Чистюля, эстет недоделанный, прилизывал густящие волосы с видом: «Я тут самый красивый». И только Малыш, светловолосый ширококостный добряк, стоял неподвижно, гипнотизируя завтрак.

– Ну, наконец-то! – возликовал он при моем появлении и схватился за открывалку.

Вскрыл упаковку первого пайка, взялся за второй. На его простодушном пухлом лице отразилась работа мысли. Золотистые брови сошлись над переносицей.

Подошла к нему, оседлала стоящий рядом стул. Иронично поинтересовалась:

– А ты че, зубы чистить не будешь?

Малыш поднял на меня взгляд: в светло-голубых глазах читалось искреннее недоумение.

– Вот еще! Щас Медведь сбор объявит – опять голодные полетим. На, держи!

Он протянул вскрытую банку с блекло-серой субстанцией, которую у нас почему-то упорно именовали едой. Подцепила ее вилкой – масса задрожала, утробно чавкнула, отлепляясь от стенок.

Отправленная в рот порция – безвкусная и тягучая – прилипла к небу и наотрез отказывалась жеваться.

– Вот жараза, – пожаловалась я.

Сунула в рот палец. Ковырнула.

– Фу! – объявил с другого конца стола Чистюля. – Как неприлично.

Покосилась: сам он каким-то невероятным способом умудрялся есть чинно и аккуратно. На его аристократическом лице сияла печать безразличия и степенности. Жевал он медленно и опрятно. Даже не чавкал.

Так и захотелось сказать гадость. Но клейкая масса залепила рот.

Перевела взгляд на Дылду – на него вся надежда. Но тот меня проигнорировал. И не мудрено: попробуй-ка одновременно жевать и ковырять в носу. И как только не задохнется?

– Не обращай внимания на Чистюлю, – посоветовал Бобер. – Лучше скажи, как ты меня учуяла?

– Как-как? Каком кверху! – передразнил его Дылда. – Лучше спроси, как она преграду за три метра видит, грозу чувствует и от лучей лазера уворачивается.

Я надулась, гордая. Покраснела.

– Чую и все! Завидуйте... А ты, Дылда, мойся почаще: от тебя за километр воняет.

– Кстати, да, – согласился Чистюля. – Помыть его надо перед выходом. Неровен час, зашлет Медведь на Ангору – там местные волкодлаки его быстренько уделают.

– Ага, и нас заодно, – кивнул Малыш, энергично работая челюстями.

– Вам надо, вы и мойтесь, – возразил Дылда. – Я на той неделе на Галене на всю жизнь наполоскался.

Мы переглянулись. Недружелюбная планета запомнилась проливными дождями, градом размером с кулак Малыша и ядовитыми испарениями. Любит наш Медведь подкинуть задачку посложнее. Кругом темнота, овраги и вездесущие кровососы. И мы, пятерка идиотов, маршируем по этому безобразию и тащим на себе проклятушие «куколки». Положил такую на землю, ошейник попищал-попищал и долбанул тебя током.

Первым поднялся Бобер. Заговорщически подмигнул Малышу. Тот сунул в рот остатки пайка. Вскочил.

Дылда без боя не сдался. Вооружился стулом и отшагнул к стене.

– Не, я мыться не стану.

Чистюля на этот раз проявил солидарность: утер салфеткой рот и выдал коронное:

– Мы настаиваем.

Малыш подошел к Дылде и ухватился за ножки стула. Проказливо улыбнулся. Мы с Бобром вцепились грязнule в щиколотки: двоих не брыкнет. Повисли каменными глыбами.

Чистюля скользящей походкой подобрался к «жертве помывки» и предупредил:

– Соглашайся, пока не поздно.

Дылда зарычал. Толкнул стулом Малыша. Тот перехватил ножки поудобнее и вырвал из рук друга «рогатое» оружие.

Дылда дернулся. Нагнулся. Попробовал освободить ноги.

Малыш и Чистюля перехватили его руки. Припечатали к стене.

– Не бу-у-уду! – взвыл наш грязнуля. – Не хочу-у-у.

– Ну, че ты, как маленький, – проворчала я.

Вчетвером мы подняли Дылду и потащили к помывочной. Бороться всерьез или причинять друг другу увечья никто и не собирался. Так, подурачиться малость.

В глубоком чане с чистящим средством замочала сменная форма. То, во что она превратилась после Галены, больше напоминало половые тряпки, но Медведь не поощрял расточительства. Стирать ветошь все руки не доходили, а теперь собственная лень сыграла нам на руку.

Раскачав Дылду, мы метнули оружий и сопротивляющийся снаряд в дезинфицирующую жижу. Тот приземлился как раз по центру чана.

– Глаза береги! – на полном серьезе предупредил Чистюля. – А то выест.

Дико матерясь, Дылда вылез из бадейки. Едкая масса стекала с его штанин и оставляла зеленоватые следы на полу. Невольный купальщик шмыгнул носом и обвел нас испепеляющим взглядом.

– Ближайшие дни близко ко мне не подходите!

Я фыркнула: империял цена таким обещаниям. Заткнула пробкой раковину и отвинтила кран. Тонкая струйка лениво вырвалась из ржавого нутра водоснабжения.

– Чего застыл? – окликнул Дылду Чистюля. – Шмотки скидывай.

Малыш и Бобер схватили тазы и утопали в соседний блок – не так просто прополоскать здорового товарища. Воды ого-го сколько надо. Проще всего напроситься в гости к элит-

чикам, но те похуже Чистюли: изгвазданного в чистящем растворе Дылду к себе не впустят. Да и не любят они нас. А мы – их.

Дылда метнул в меня шмотками и предложил:

– Подстирнешь?

– А спинку не потерять?! – возмутилась я, уворачиваясь.

Нагой Дылда прошлепал к раковине и первым делом ополоснул руки и лицо.

– Потри, – согласился он и для пущей убедительности прогнулся.

Придирчиво оглядела бессовестного нудиста и поинтересовалась:

– Не боишься спиной к товарищу поворачиваться?

Дылда повернул ко мне мокрую башку и гоготнул.

– К тебе – нет! Ты ж у нас, вроде как... безоружная.

Ох, как захотелось пнуть его, а лучше огреть по спине чем-нибудь тяжелым. Чтоб не хвастался!

Дылда вовремя спохватился и сосредоточился на мытье.

– Не бузи. Эт я тя, между прочим, откомплиментил.

Настала моя очередь поржать.

– Ага, я тебя тоже откомплиментю. Выбирай: тазом или коленом?

– Да ла-а-адно, – протянул Дылда. – Знаем мы, чего ты умеешь. Видели!

Отпустило немного. Раздобрилась. Фыркнув напоследок, вышла из помывочной и захлопнула за собой дверь. Вот всегда они так: как дежурить или рюкзак потягать – товарищ, а как спину тереть – так сразу вспоминают, что женщина. Или нет? С ними такого насмотришься и наслушаешься – невольно засомневаешься.

На всякий случай заглянула в сортир. Присела над ямкой. Сомнения пропали. Раньше расстраивалась, что стоя не умею, потом смирилась. И парни дразнить перестали. Как в первый тренировочный со мной сгоняли – так и сразу. А вообще, они хорошие ребята, проверенные. Трындят не по делу, воняют – но надежные, как броня. И такие же крепкие.

Не успела управиться, как по коридорам разлетелся протяжный вой сирены. Лампочки над всеми входами замаячили красным, требуя поторопиться. Медведь ждать не любит. А опоздавших наказывает строго. Лучше сразу откинуться, чем под его горячую лапу попасть.

Застегивая на ходу штаны, выскочила в комнату. Натянула на голову прозрачный защитный шлем, закрепила под подбородком ремни. Всунула ноги в форменные берцы. Напялила камуфляжную куртку. Привычку собираться за три минуты привил мне Медведь. Одна оплеуха – и готово. Только голова после неделю шумела, как реактивный двигатель. И заикалась я пару дней. Но это ничего, терпимо.

– Готовы? – рявкнул Чистюля (по совместительству – командир нашей пятерки).

Мы построились у выхода: одинаковые до безобразия и безобразно одинаковые. И только с одежды Дылды стекала вода. И рожа у него – самая зверская.

– Вперед! – скомандовал Чистюля и первым шагнул в коридор.

Резиновые подошвы замелькали по темному бетону. Скучное освещение не мешало нам двигаться вперед. Извилистые ходы «муравейника» мы выучили назубок.

Наш блок располагался на нижнем подземном уровне. Выше – учебные классы, тренажерные залы, качалки. Элитные подразделения квартировали вровень с каменистой почвой Тифона. И на самой верхушке, ягодка на именинном пироге, маячила резиденция Медведя.

Редким и долгожданным посетителям и неведомек, какая громадина скрывается под внешне неказистым одиноким домиком на недружелюбной планете. Целый зоопарк с ручными хищниками, приученными потом и кровью служить будущему владельцу.

Возле погрузочного отсека едва не столкнулись с элитчиками. Их пятерка, поскрипывая новенькой кожаной формой, как раз спускалась нам навстречу.

– Что, отбросы, и вас вызвали? – хохотнул высокий блондин.

Покосилась на него: статный, задиристый, краси-и-ивый! Амоном кличут. Вроде как бога солнца в древности. Аккуратно прилизанный, чистенький и блестящий, как бляха на ремне. Улыбкой сверлит. А взгляд придиричивый такой, с ехидцей.

– И че? – возмутился Бобер. – Боишься с нами потягаться?

Амон смачно сплюнул на пол и утер рукавом рот.

– Замараться боюсь. Воняет от вас, как от шмелей с Сульфиды.

Больше всех возмутился Дылда. Уж он-то как никто был уверен в собственной стерильности: от формы все еще перло очистителем.

А я забеспокоилась. На всякий случай нюхнула подмышку: нет, вроде, не воняет. И зубы почистила. И белье меняла. Ага, на прошлой неделе.

– Ой, дотренькаешься ты, белесый! – предупредил Малыш.

– Угрожаешь?! – вякнул кто-то из элитной пятерки.

«Ну, опять, началось, – мысленно возмутилась я. – Щас начнут словами кидаться и желчью плевать. Дальше-то все равно не пойдут – побоятся. Медведь за такие кренделя мешок люлей отвешает. А то и вообще выгонит. Пойдешь себе по миру: хошь – капусту на Триневе сажай, хошь – в наемники подайся. Авось, пару лет и протянешь».

Потолкались мы для приличия в проеме шлюза. Попыхтели. Я даже словчилась кому-то по уху заехать.

– Отставить разборки! – рявкнул Медведь, когда мы все дружно ввалились в отсек. – Разобраться по пятеркам и стоять смирно!

Второго предупреждения не понадобилось. Как нашкодившие малыши, разбежались по углам. Подобрались. Скорчили серьезные мины. Прямо воины-освободители, не иначе.

– Кто зачинщик? – строго спросил наш руководитель. Он же батя. Он же Медведь – вспыльчивый, но отходчивый.

Чистюля пристально посмотрел на Амона и напрягся.

– Я! – объявил блондин и шагнул вперед.

Герой, так его растак! Еще больше понравился. Аж в груди екнуло: сладенько так, заунывно.

Медведь шагнул к покаявшемуся. Ухватил его за шиворот. Тряхнул, как пыльный половик.

– Ты знаешь, кто ты? Отвечай!

Мы все расслышали, как клацнула челюсть Амона. Белобрысый побледнел, но азарта не растратил.

– Телохранитель первого класса. Будущий выпускник элитной школы боевых искусств. Преданный слуга Его Величества.

Медведь поставил ученика на место. Нахмурился.

– Последнюю фразу можешь забыть. Император отказался от дальнейшего финансирования проекта. Мы больше не участвуем в спецоперациях и рассчитываем только на свои силы. И способности.

Слухи о том, что Император порвал отношения с Медведем, ходили давно. Последний год мы не получали спецзаданий и только тренировались. И все же слова Медведя посеяли в наших умах панику.

Шанс избежать пожизненной связки с владельцем окончательно испарился. Никого из нас не возьмут на имперскую службу, не предложат места среди приближенных. Теперь путь только один: понравиться клиентам. Продаться дорого и выгодно.

– Чего раскисли? – гаркнул Медведь. – И без гвардии проживете. Все равно туда редко кого отбирали.

Больше всех поник Амон. За его плечами имелось множество успешных операций и тренировочных вылазок, так что шанс был.

– Значит, так, – продолжил Медведь (голос бодрый, а в глазах – грустинка), – раз отличники первыми навалились, так им и «кукол» нести.

Амон скрипнул зубами, но не возразил. Ноздри его раздувались: вот прямо дракон огнедышащий. Еще бы, кому охота «дичью» быть? «Ловчими» куда как интереснее. Эх, и погоняем мы их нынче.

Недовольные участием Амон и его напарники получили на складе «куколок». Массивные рюкзаки, напичканные сверхточной аппаратурой, крепились к спинам телохранителей и имитировали беспомощного хозяина. Выдумка Медведя работала проще некуда: ты несешь на спине ценнейший груз. Его нельзя ронять, сильно трясти, подвергать перепаду температур и прочим прелестям дальних переходов. От него зависит твое будущее. И твое здоровье.

Связующий ошейник – еще одна разработка – подчиняет тебя «куколке». «Умрет» ноша – и тебе несдобровать. Это еще хорошо, что на время занятий ошейники работали не в полную мощность. В настоящей связке жизнь телохранителя полностью подвязана на владельца. Не уберег хозяина – сдох.

Медведь лично закрепил ошейники на шеях «дичи». Выставил среднюю мощность. Они ж элита, цвет подразделения, так пусть и огребают по-полной.

Да, видела я пару раз, как крючило парней, потерявших связь с «куколкой». Электрический разряд поражает кровеносные сосуды и нервы – бедолаг корежит и сгибает в пружину. Пульс и дыхание замирают. Болеют после такого долго. А иногда и в сознание не приходят: издержки профессии.

– А вы чего замерли? – заревел Медведь на нашу пятерку. – Собрались и выстроились в шеренгу.

Приказ мы исполнили в момент. Шутить с батей опасно.

Медведь обошел нас по очереди. Проверил, плотно ли застегнуты фиксирующие шлемы ремни. Принюхался: брагу из местной плесени не гнали, зубы и форму почистили.

– Почему мокрый? – напустился Медведь на Дылду.

Тот со свистом втянул в себя воздух, но нас не сдал. Уперся в колючие глаза бати и отчеканил:

– В чан с обеззараживающей жидкостью упал.

– А если я вас на Плум зашлю – что делать будешь? – не унимался Медведь.

Дылда опустил взгляд и промолчал. О суровом климате планеты-льдины ходили легенды. Там и в сухой одежде больше десяти минут без скафандра не продержаться. А так – верная смерть.

– Ладно, грузитесь, – проворчал Медведь. – Пилоты уже на борту.

– Если там опять Михей со своими, я его после задания контужу, – проворчал себе под нос Амон. – С его пилотажем трясет так, что внутренности в позвоночник упираются.

– Разговорчики! – предупредил батя. – Оружие и сигнальные ракеты получите при посадке. Задача ясна или повторить для особо гениальных?

– Никак нет! – хором рявкнула моя пятерка. И я вместе с ней.

– Приступить к посадке! – распорядился Медведь.

Из погрузочного отсека мы дружно перебрались в переходник – узкий туннель, похожий на прямую кишку: как внешне, так и по назначению. Герметичное покрытие заглушало звук шагов, а тесное пространство позволяло идти только цепочкой. Я, пользуясь возможностью, разместилась за Амоном и подстроилась под его поступь.

Блондин, казалось, нисколько не замечал «куколку» за своими плечами. Шел бойко и уверенно. И дыхание его было ровным. Везунчик! Когда мне выпадала роль «дичи», тяжеленная ноша пригибала меня к земле. И я крючилась, пыхла и посвистывала, как паровой двигатель в нашем музее.

Непроницаемый рукав заканчивался внутренним люком корабля. Рычаг на себя – и мы в «норе». Металлическое нутро грузового отсека пропахло космической плесенью, пылью и людским потом. Системы вентиляции не всегда справлялись с поставленной задачей, а наряды по уборке кораблей – и того хуже.

– «Ловчие», занимайте правый борт, – распорядился Амон.

Чистюля смерил его высокомерным взглядом и вскинул густую бровь.

– Кто это тебя здесь главным назначил?

– Я сам, – не остался в долгу блондин.

Демонстративно прошествовал мимо Чистюли и первым устроился на левой стороне. Остальные элитные последовали его примеру. Бережно, словно любимых женщин, переместили «куколки» себе на колени.

Малыш протопал мимо «жертв» с видом скупающего праведника. Словно невзначай наступил на голень Амона.

– Ох, простите, – притворно извинился наш бугай, – не заметил.

– Жри меньше, а то из-за брюха не видишь, куда ступаешь, – фыркнул Амон, потирая ушибленное место.

Бобер плюхнулся напротив него и язвительно заметил:

– А ты побольше, а то «оглобли» вон какие тощие. Того и гляди, ветром сдует.

Я разместила рядом с Бобром. Присмотрелась к Амону: ниче он не худой. Вон как кожанка на плечах бугрится, того и гляди, лопнет. Перевела взгляд на Малыша: здоровый – это да. Но толстый?.. Ох уж эти мальчишки. Дурачатся.

Дылда занял последнее пустующее место – возле устройства связи с пилотами. Окинул всех цепким взглядом.

– Готовы?

– Жми! – дал отмашку Чистюля.

Дылда вдавил до отказа желтую кнопку на передатчике. Прибор захрипел и пробасил знакомым голосом:

– Пристегните ремни, девочки, сейчас повеселимся! Йе-ха!..

– ... – ругнулся Амон себе под нос. – Как знал: Михей сегодня рулит.

– Не надо было завтракать, – скис Чистюля, закрепляя страховочные ремни. – Размотает по всему космосу.

Корабль ожил. В его корпусе утробно заурчали двигатели. Стяжки стыковочного агрегата щелкнули, замки разъехались в стороны. Наш «старичок-десантник» доживал не первый десяток лет и успел перетаскать в жестяном брюхе немало выпускников Медведя. Поди, и лихачей вроде Михея видал не мало. Потому и терпел. Тремор бил его проржавевшие суставы, по анемичным венам разбегалось топливо.

Дрожание корабля передалось и нам. Несколько секунд молчали, удерживая челюсти на месте. Руки элитных впились в «куколки», оберегая их от тряски.

И вот «космический дедушка» дернулся. Оторвался от опостылевшего Тифона и взмыл. До того момента, как пилоты включают гипердвигатели, у нас появилось время расслабиться.

– То, теперь с нами будешь покупателей дожидаться, – продолжил перебранку с Амоном Чистюля. – Наверх-то путь теперь того, заказан?..

– Я с тобой не то, что в одном ряду стоять, испражняться рядом не сяду, – возразил блондин. – Вас, ушлепков, Медведь только торгашам и покажет.

– А ты, прям, сам Император выкупит, – гоготнул в ответ Малыш.

– Почему бы и нет, – скупающим тоном произнес Амон. – В отличие от вас, никчемных, нам этикет преподают, дипломатию и философию. Медведь в элиту по-полной вкладывает. А вы, кроме как из пушек палить да сморкаться в ладонь, ничего и не умеете.

На скулах Чистюли заходили желваки. Лицо его покраснело, а ладони сжались в кулаки.

Корабль с Михеем у руля не позволил моему напарнику достойно ответить. Стремительный прыжок в гиперпространство впечатал нас в корпус, выбил из легких воздух. Я заметила, как у сидящего напротив элитчика налились кровью глаза и надулись на висках вены. И испытала нечто вроде сочувствия. Ненависть к неплавным переходам, громадным перегрузкам и к Михею конкретно объединила нас лучше съеденного вместе ужина.

Постепенно разрывающая боль утихла – и корабль, и мы выдержали испытание. Гиперпространство распахнуло неприветливые объятия и приняло нас в себя.

Дышать стало легче, кровообращение практически восстановилось. Но продолжать перепалку никто не стремился: мало выдержать вход в гиперпространство, главное – пережить выход.

Глава 2

То ли Михей водить научился, то ли мы пообвыкли, но гиперпрыжок прошел без потерь. Так, побледнели немного, да у Малыша вон сосуд в глазу лопнул. Но это ничего, нормально. Харчи, вроде, никто не метнул, да и в сознание все пришли быстро.

Передачик зашуршал, проказливо подмигнул желтым глазом.

– Че, выжили? – осведомился Михей.

– Мы да, а ты – считай, уже труп, – хрипло пообещал Амон.

– Гы-ы-ы, – зашелся смехом пилот, – ты вначале задание выполни, да на корабль вернись.

А там видно будет.

– Не брешь, все вернемся, – предупредил Чистюля. – Лучше колись, куда прибыли?

– Размечтался!.. – фыркнул Михей. – Хватайте пукалки и валите к аварийному люку.

Садитесь в любую из шлюпок.

– А че, мы приземляться не будем? – настороженно поинтересовался Малыш.

– Не-а, – проказливо объявил Михей. – Я туда не то что корабль сажать, шлюпки отправлять не хочу.

Амон щелкнул языком. Я нервно сглотнула и многозначительно вытаращила глаза. Чистюля хмыкнул и со всей дури хлопнул меня по плечу.

– Ссаться команды не было!

Вернула командиру своей пятерки дружеский жест. Повернулась спиной к элитным и бравой трусцой рванула к люку.

Пока Малыш и Бобер грузили сигнальные ракеты, а Чистюля настраивал датчики шлюпки, мы с Дылдой занялись вооружением. Дотошно осмотрели парализаторы. Выбрали лучшие.

Холодный металл привычно лег в ладонь, сросся с нею, как глаз с «мушкой». Убить такая «игрушка» не сможет, а вот обездвигить противника и доставить ему массу незабываемых моментов – это обязательно.

В последнюю очередь я закинула в рюкзак аптечку первой помощи и карманные фонарики. Дылда прихватил поисковое устройство. На этом экипировка завершилась: большего нам не полагалось.

Расселись в шлюпке. Чистюля окинул нас опытным и придиричивым взглядом и приступил к высадке. Прощай, душная утроба корабля-дедушки. Здравствуй, недружелюбное далеко.

Двигатели загудели. Аварийный люк разверзся и, как металлический монстр, выплюнул застрявшую в зубах железяку.

Пространство замелькало перед глазами, закружилось в бешеной скоростной пляске.

Приземлились мы в зарослях колючего кустарника с ядовито-красными ягодами. Пока выбирались из шлюпки, исцарапались об острые шипы и обляпались соком неизвестных плодов.

– Черт! – Дылда дернулся и поморщился. Потер шею. – Как жжется. Надеюсь, этот изюм не ядовит.

– Ну, ты и неуч, – обругал его Малыш. – Изюм – это сушеная ягода, а тебе в рану сок попал.

– Мне без разницы, как эта дрянь называется, – объявил Дылда. – Я, в отличие от некоторых, на Земле не бывал и разносолов не кушал. На моей родной планете только мох рос и плесень разная.

Малыш отлепил от рукава приставучую ветку и грустно вздохнул.

– Так и я не кушал...

– Хватит трепаться, – шикнул на них Чистюля. – На небо посматривайте и открытые участки тела берегите. Дылда прав: ягоды могут быть ядовиты. Как и местные насекомые, если они тут водятся.

Исполняя приказ, мы задрали головы: предательски хрустнув ветками, ввысь поднялась спасательная шлюпка. Она свое дело сделала. «Ловчие» – еще нет.

На незнакомой планете было сумрачно и душно. Где-то вдалеке раздавались подозрительные шорохи и вскрики местной фауны. Тусклый свет фонариков выхватывал из темноты все новые и новые препятствия.

Колючки сменились высокими кустарниками и крупнолистными деревьями, переплетенными толстенными лианами. Под ногами подозрительно чавкала скользкая почва. Один раз пришлось ползти на брюхе: бдительная растительность не хотела пропускать незнакомцев.

Чистюля продирался первым, тщательно выбирая, куда ступать. За ним, почти след в след, двигалась я. Густые заросли не кончались. Сплошное месиво стволов и ветвей заслоняло обзор. Словно из-под земли, выскакивали кряжистые корни и подставляли нам подножки.

Мы не роптали. Такая планета – не худший из вариантов. Кислород в достатке. Растительность есть. Наверняка и на обед найдем, кого зажарить. И не нападает пока никто. Иди себе смело.

Только шестое чувство упрямо шептало: Медведь не назначает простых испытаний. И нас ждет подвох. Знать бы еще, что это за место, откуда явится беда и в чьем обличье.

Джунгли оборвались, и мы выбрались на широкую поляну. Судя по обгорелым деревьям и скудной растительности – здесь бушевал пожар.

– Вырубка, – подтвердил мои догадки Чистюля. – Похоже, кто-то возделывал почву.

– Хочешь сказать, мы на этой планетке не одни? – поинтересовался из-за моей спины Бобер.

Я покачала головой.

– Если здесь и были люди, то очень давно. Смотри: пашня начала зарастать заново.

– Не факт, что эти зеленцы растут по стандартным меркам, – возразил на мой выпад Чистюля. – Но в любом случае стоит быть осторожными.

Наш командир осмотрелся по сторонам и объявил:

– Привал!

Все как один мы плюхнулись на обожженную землю. Обратились в слух и взгляд.

– Кто-то из вас заметил шлюпку «жертв»? – поинтересовался Чистюля.

Мы помотали головами.

– И я нет, – признался командир. – Дрянь дело. А планету кто узнал?

Повисло задумчивое молчание, перемежаемое сопением.

– На Берту похоже, – подал голос Дылда и поспешно добавил: – Вроде...

Чистюля сцапал горсть земли, растер на ладони.

– Нет, не Берта. Там почва песчаная, а тут – глина. Еще предположения?..

– На небо бы посмотреть, – пожаловалась я. – А так одни только догадки.

Командир недовольно крякнул. Поднялся и подошел к Дылде.

– Шею покажи.

Тот послушно нагнулся, скинул шлем.

Чистюля подсветил себе фонариком и осмотрел рану:

– Ну, че там? – поинтересовался «пациент».

– Жить будешь, – насмешливо объявил командир. – Можно сказать, повезло: шип прорвал ткань куртки, а шею слегка царапнул. Порез неглубокий, воспаления нет.

– А дерет так, будто кипятком плеснули, – пробухтел Дылда.

– Давай, мы тебе обезболивающего вколем, – предложил Малыш. – Раз ты такой неженка...

Дылда возмущенно подскочил и буркнул:

– Вот еще! Перетерплю.

– Уверен? – на всякий случай переспросил Чистюля.

Дылда достал из кармана поисковик и передал командиру:

– Нечего со мной нянчиться, чай, не маленький. Давайте лучше «жертв» поищем.

Поисковое устройство, несмотря на потрепанный внешний вид, работало исправно. Металлический корпус размером с ладонь вжикнул, экран удивленно моргнул и выдал показания. На темно-зеленом фоне проявились пять подрагивающих красных точек – наши «жертвы», и столько же зеленых – мы сами. Стрелка древнего, как самолет, прибора указала примерное направление движения. Ни тебе координат местности, ни расстояния до цели.

– Медведь бы нам еще компас в дорогу выдавал, – пожаловался Бобер. – Чтоб потруднее было.

– Не вздумай ему это предлагать, – громыхнул Чистюля. – Вдруг согласится...

Бобер запоздало прикрыл себе рот ладонью и помотал головой. Малыш хлопнула его по локтю и подбодрил:

– Да ладно те. Медведь нас все равно сейчас не слышит.

Чистюля сдвинул брови к переносице, но промолчал. А я нет. Нахально улыбнулась и припечатала:

– Поговаривают, будто Медведь нам еще в детстве датчики вживил. И слышит все, о чем мы говорим.

– Лишь бы не слышал, о чем думаем, – фыркнул Дылда. – Я, помнится, на прошлом задании ему такого нажелал – мама не горюй!..

Продолжая «колдовать» над поисковиком, Чистюля погрозил нам кулаком.

– Не болтайте лишнего, и без того забот хватает.

– А че, если Фартовая права? – возразил Малыш. – С Медведя станется.

Чистюля окинул нас недовольным взглядом и заявил:

– На болтовню потянуло? Значит, отдохнули. Вперед!

Он поднял с земли рюкзак и ткнул им в меня:

– Теперь ты понесешь.

– Так точно, – без особого энтузиазма выдала я.

Вот кто меня вечно за язык тянет? Сидела бы себе молча – глядишь, и очередь пропустила. Теперь неси снаряжение до следующего привала.

С досады ткнула локтем Бобра.

– Че?.. – взвился тот.

– Ты всегда меня провоцируешь, – буркнула я.

Чистюля развернулся в заданном поисковиком направлении и бойко пропустил вперед. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Идти с ношей за плечами стало еще тяжелее. Но жаловаться нельзя – засмеют. Это я уяснила еще в детстве. Если ты девчонка, значит должна быть вдвое сильнее, быстрее, выносливее. Один каприз, и тебя перестанут воспринимать всерьез.

Погруженная в невеселые размышления, не сразу заметила, что с впередиидущим Дылдой не все ладно. Вначале он стал натужно дышать и покачиваться из стороны в сторону. А потом вдруг принялся что-то выкрикивать и размахивать руками.

Толкнула его в спину.

– Ты чего?

Дылда не обратил на мой жест внимания. Потом вдруг подпрыгнул на месте и зарычал на неведомого противника.

Чистюля обернулся. Присмотрелся к подчиненному.

– Мошкара объявилась?

Дылда вновь не среагировал. Теперь его движения походили на танец аборигенов, виденных нами на одном из заданий. Наш друг ритмично, будто в такт музыке, двигал плечами и притопывал. Голова его моталась в разные стороны, как подпиленная.

Жестом Чистюля приказал Малышу и Бобру окружить напарника.

Как только ребята подобралась к «плясуну» ближе, Дылду словно подменили. Он широко расставил ноги и согнул колени. Выставил вперед кулаки. Рывкнул. Голос его перестал походить на человеческий.

Я осветила фонариком его лицо. И едва не вскрикнула. Из уголка рта Дылды сочилась пена. Глаза налились кровью, зрачки расширились.

Мы вчетвером навалились на обезумевшего приятеля. Тот сипел и дрыгал ногами.

– Фартовая, доставай детоксин! – приказал Чистюля.

Я отлипла от Дылды и засунула руку в рюкзак. Выудила из него аптечку. Пользоваться медицинскими препаратами мы умели наощупь: нужда заставит, и не такому выучишься.

Малыш разорвал рукав «пациента».

– Давай!

Я прислонила к локтевому сгибу Дылды инъекцинатор – продолговатый пенал «нащупал» вену и впрыснул в нее спасительную микстуру.

Дылда обмяк и прекратил дергаться. Дыхание его восстановилось, пульс пришел в норму. Чистюля откатился от подчиненного и сжал голову обеими руками.

– Нужно было сразу сделать инъекцию.

– Кто мог знать, что это за ягодки, – буркнул Бобер.

– Я командир! – не унимался Чистюля. – И отвечаю за свою команду.

– Ы-ы-ы, – подал голос Дылда. – Как паршиво-то...

Малыш помог ему сесть.

– Ты это... прости за неженку. Я ведь не знал...

Дылда прочистил указательными пальцами уши, похлопал глазами.

– Вижу плохо, все как в тумане, – пожаловался он.

– Это побочный эффект детоксина, – разъяснил Чистюля. – Посиди минут пяток – пройдет.

– А еще у меня после ваших помывок в горле першит, – продолжил жаловаться Дылда. – И нос заложило.

– Тоже детоксин? – предположила я.

– Да простыл наш неженка, вот и все, – буркнул Бобер. – Подумаешь, посидел мокрый на жестянке...

Чистюля метнул на Дылду встревоженный взгляд.

– Вернешься, сходи к медикам. А пока отдыхай.

Лишний перекур воодушевил и остальных членов отряда. Мы расселись в тесный кружок, сосредоточились на дыхании. Ничто так не расслабляет мышцы за время кроткой передышки. Я чувствовала, как с каждым выдохом мое тело покидает напряжение. Боль в ногах утихла, ее сменило легкое покалывание. И все же расслабиться полностью не могла. В мозг ввинчивались посторонние звуки, напоминавшие скрежет ногтя по стеклу.

– Я одна это слышу? – не выдержала я.

– Что?! – тут же подскочил Чистюля. Моей интуиции он доверял. – Где?

Хороший вопрос. Не открывая глаз, прислушалась. Все также спокойно дышали ребята, шевелились на слабом ветру ветви деревьев. Стучало мое сердце.

Нет, так не пойдет. Сосредоточилась. Отключила привычную картинку мира. Погрузилась в вакуум. Здесь совсем другие звуки. Их я не слышу, чувствую – каждой клеточкой своего тела. Вокруг меня не воздух – плотная масса. Она живет собственной жизнью: пульсирует, видоизменяется.

Я приподняла руку и указала направление.

– Там есть движение. За нами наблюдают.

Щелкнули предохранители на парализаторах. Стрелки приготовились к атаке.

Клубы тумана взвились, и я уловила движение: агрессивное, неизбежно подступающее к нам. Открыла глаза. Возвращение в реальность отозвалось тупой болью в затылке.

Пока приходила в себя, напарники тоже различили неприятеля. Лучи фонариков выхватили из сумрака широколистную пальму. Ее ствол облепили мохнатые тушки зверей. Они перемещались так быстро, что свет лишь скользил по блестящим шкурам и не давал нам рассмотреть их отчетливо.

– Здоровые бугаи, – прошипел Дылда. – По ходу, крупнее нас.

– Нападут? – гадал командир.

– Пальну в одного на пробу? – предложил Малыш. – Вдруг другие испугаются и свалят.

– Не стрелять без команды! – предупредил Чистюля.

Пальма тряслась от молниеносных прыжков существ и жалобно поскрипывала. Сухие листья сыпались с нее и падали на землю.

Дикие твари поняли, что мы их заметили. Одна заревела. От ее крика жесткий ершик волос на моей голове встал дыбом. По спине пробежал неприятный холодок.

– Наверное, это вожак, – предупредила я. – И он нас прогоняет.

– Отходим, – скомандовал Чистюля. – Не делать резких движений.

Продолжая прицеливаться, мы двинулись в противоположную сторону.

Вожак стаи перестал рычать, и теперь его голос походил на хрюканье, перемежающееся ворчанием. Эти недовольные возгласы преследовали и подгоняли нас.

Но смыться под шумок не удалось. Из недр джунглей раздался вой другого животного.

– Только этого нам не хватало! – взвился Бобер, оглядываясь. – Сколько же тут этих тварей?

Считать никто не собирался. Мы оказались зажаты с двух сторон представителями местной фауны: озлобленными и разгоряченными.

– Стрелять только для самозащиты! – предупредил Чистюля. – Рассредоточиться!

Последний окрик был лишним. Мы и без приказа отскочили в сторону, улетающая с пути разъяренных хищников.

Мимо нас, ухая и вопя, с молниеносной скоростью промчались тяжелые мохнатые туши. Земля содрогалась под их напором. Бочкообразные тела опирались на длинные руки с сильными кистями и мощные стопы. Крупные головы двухметровых гигантов с плоскими носами и приплюснутыми лбами покачивались в такт движению. Глаза поблескивали в темноте. Внушительные челюсти клацали острыми зубами.

К счастью, не наш отряд был их целью. Зверюги мчались к пальме, на которой ответно рывкали их родственники.

Пропустив дику ватагу вперед, мы вновь объединились и продолжили отступать.

– Ох, че ща там будет... – мрачно предрек Малыш.

Остальные молча с ним согласились. Я в том числе.

– Добираемся до зарослей и прибавляем ходу, – предложил Чистюля. – Не хотелось бы вновь попасться на их пути.

– Да уж, во второй раз они нас не пропустят, – поддакнул Дылда.

Мы успешно преодолели выжженное плато и скрылись под сенью гигантских растений с широкими резными листьями. Прибавить ходу не удалось. Густые заросли сплошь увивали прочные лианы. Продираться сквозь них было не проще, чем выпутаться из паучьих сетей на Таврене.

Драка между двумя кланами местных обитателей была в самом разгаре. И даже нам, привычным к суровым реалиям выживания, стало не по себе улавливать ее отголоски. Душераз-

дирающие победные крики сопровождалась глухими ударами и хрустом – то ли веток, то ли разрываемых костей и сухожилий. Агония поверженных сводила с ума.

– Может, подождем развязки? – шепотом уточнил Бобер. – Не хотелось бы, чтобы эти твари остались у нас за спинами.

– Напавшая стая явилась как раз из нужного нам направления, – пояснил Чистюля. – Если мои расчеты верны, то через пару часов мы настигнем «жертв». Побарагозим малость, пустим сигналку.

– Думаешь, элитные так запросто расстанутся с «куколками»? – фыркнул на ходу Малыш.

– В любом случае, стоит убраться подальше от зарослей Гориллых ягод, – припечатала я. – Наши «жертвы», небось, тоже не идиоты – поняли, куда попали.

– Сдается, Михей сбросил их прямо в логово местных обитателей, – поделился Бобер. – В таких условиях уберечь «кукол» – верх мастерства.

– Если бы Амон не признался в саботаже, на месте «элитных» могли оказаться мы, – вздохнула я.

Чистюля обернулся ко мне и насмешливо заметил:

– Я ему помог немного. Скажем так, прибавил храбрости.

– У-у-у... – разочаровалась я в блондинчике.

– А те че, этот элитчик нравится? – пристал Бобер.

Насупилась и наверняка покраснела. Хорошо, что на Ганоне стояла ночь.

– Больно надо! Вот доберусь до этого Амона и сама у него «куколку» стащу.

– Спорим? – предложил Бобер.

– А давай! – согласилась я.

Чистюля прервал перебранку резким взмахом руки.

– Видите растение? Он, «пугач»?

Мы дружно обступили низенький кустик: листья покрывал тонкий налет серого порошка. Принюхались. От растения исходил запах тухлого мяса и испражнений. Точнее описать невозможно, но аромат, надо признать, неподражаемый.

– Судя по воню – точно он, – подытожил Бобер.

Мы одобрительно покосились на приятеля. Раз Дылде запах не понравился, то это может быть только «пугач». Вне всяких сомнений.

Не дожидаясь команды, надрали целые охапки вонючих листьев. Распихали их по карманам. Натерли ими одежду, волосы и открытые участки тела.

– Одуреть, – признался Малыш. – Даже есть расхотелось.

– Лучше вспомни, как еще можно отпугнуть горилл Ганона, – отрезал Чистюля.

Пока мои руки занимались выполнением приказа, мозг лихорадочно работал, напрягая извилины. Итак – мы на Ганоне, заброшенной имперской колонии. Лет пятьдесят назад сюда прибыли люди в надежде обосноваться. Привезли с собой горилл.

В учебниках для богатеньких и нежных деток пишут, что эти животные были домашними любимцами. От нас Медведь правду не скрывал, не боялся искалечить трепетные души жестокостью переселенцев. Гориллы – крупные неприхотливые особи. Легко переносят дальние перелеты, славно приспосабливаются к новым условиям существования. Размножаются круглогодично и быстро набирают вес. Мясо у них нежное и питательное. Привез на новую планету, выпустил – и через полгода отстреливай вволю.

Одного не учли колонисты: особенности местной флоры. Позднее эти растения называли гориллыми ягодами, одними из самых ядовитых в истории Галактики. С виду – ничем не примечательные колючие кустики, таких растут сотни и тысячи на других планетах. У них сладкие плоды, вкусные корни и соцветия. И все они таят в себе отравляющее воздействие. Бедолаг, поддавшихся на уловку коварного растения, ждет множество неприятных сюрпризов: от жже-

ния во рту до галлюцинаций и нервного возбуждения. Опасен также и сок растения, а острые шипы только облегчают ему работу.

Колонисты не сумели объяснить привезенным гориллам, отчего нельзя употреблять в пищу вкусные ягодки. Больше того: опьяненные ядовитым веществом млекопитающие стали проявлять агрессию, нападать на своих хозяев.

Гориллы пристрастились к иномирному «наркотику». Из добронравных увальней быстро перебрались в разряд хищников. Опьяненные запретным плодом, они стали нападать на колонистов. А когда те окончательно покинули обжитую планету – друг на друга.

– Если мне не изменяет память, – начала я, – гориллы селятся стаями и ревностно охраняют ягодные уголья.

– Эт мы и так поняли, – буркнул Малыш.

Он уже закончил с вонючим обтиранием и теперь ждал, пока Чистюля отдаст новую команду.

– Как спастись от этих тварей? – задумался Бобер. – Запах «пугача» выветривается быстро, а у горилл острый нюх.

– А парализаторы нам на что? – усмехнулся Дылда и кивнул на свой ствол.

Чистюля нахмурился и пробубнил сквозь зубы:

– Наше оружие рассчитано на людей. Гориллу обездвигит на пару минут, не больше. Беда в том, что эти твари нападают стаями.

Мы совсем приуныли. Дылда развернулся в сторону дерущихся животных и погрозил им кулаком.

– Без боя не сдамся. Не для того так долго выдержал на базе Медведя, чтобы сгинуть в пасти каких-то там мартышек.

Чистюля сунул руку в карман и достал из него поисковик.

– Гориллы никогда не нападают исподтишка – в этом наше главное преимущество. Фартовая, – он обернулся ко мне, – придется попотеть. Ты – наш козырь в рукаве.

Я нервно сглотнула.

– А если не выйдет?

Экран поискового устройства загорелся и осветил сосредоточенную физиономию командира. Не отрываясь от дела, он наигранно беспечно изрек:

– Тогда нам хана. Поймите: для элитных это, по моим расчетам, финальное испытание. Если справятся – Медведь предложит их покупателям.

– А мы при чем? – встрепенулся Бобер. – Нам до торгов как до края Галактики...

Командир оторвался от экрана прибора и смерил нас колючим взглядом.

– Будто никто из вас не слышал, что иногда Медведь переводит подопечных из одной группы в другую.

Малыш провел ладонями по своим волосам и крикнул.

– «Подмена судьбы...» Один шанс на миллион, что тебя переведут в элиту...

– И кто ж из нас удостоится такой чести? – насмешливо фыркнул Бобер.

Все почему-то воззрились на меня. И замолчали.

– Э нет, – вспылила я. – Мне оно нафиг не надо.

– Да брось, – возразил Чистюля. – Кто из нас не мечтал о лучшем? Только представь: выкупит тебя какой-нить дворянин – будешь жить у него, как у Императора за пазухой. Выйдешь с хозяином в свет, побренчишь железяками – и снова отдыхай.

– Пока какой-нить дотошный завистник не нарисует и не уберет меня с пути-дороги, – перебила я. – Или хозяина инфаркт от переизбытка не хватит.

– Все лучше, чем по всей Галактике за торговцем сновать, – вразумил меня Чистюля.

Я грозно рыкнула. Сунула руки в карманы и, глядя на мыски своих берцев, объявила:

– Значит так: ни в какую элиту я переводиться не буду. Ни при каком раскладе. Не хочу, и все!

Вскинула голову и уставилась на Чистюлю.

– Ты всегда мечтал оказаться среди избранных. И заслужил это: сколько раз ты вытаскивал нас из всевозможных передряг?..

Чистюля нервно мотнул головой и отвел взгляд.

– Нет, не заслужил. Был бы дальновидным командиром – сразу догадался о горильих ягодах. И о самом Ганоне.

Я опустила руку на плечо командира, слегка «боднула» макушкой и отстранилась.

– Мы с вами не биологи. Наша задача – не угадать, куда попали, а выйти из передряги живыми и задание не провалить. Так-то!

– И то верно, – поддержал меня Малыш. – А горилью ягоду мало кто в глаза видел, и сведений о ней почти нет. Так, слухи одни... Я на Земле волчью ягоду жрал – как вишь, не сдох. И Дылда вон – поплясал немного и отошел.

Чистюля мотнул башкой и криво усмехнулся.

– Не знал, что вы все мечтаете от меня избавиться.

– А че это избавиться?.. – живо возразил Бобер. – Может, Медведь нас всех в элиту возьмет?

Словно почувствовав себя избранным, он выпятил грудь и подобрался. Не удержался и шумно сморкнулся, зажав пальцем одну ноздрю.

Малыш скорчился от смеха.

– Вот прямо представляю тебя личным телохранителем Императора. Идешь себе такой по ковровой дорожке и тут – бах, козявка залипла...

Как известно, смех продлевает жизнь и настраивает на позитив. Отголоски горилллей драки больше не отвлекали нас от дела, и будущее рисовалась в радужных полутонах.

Чистюля, все еще чувствуя за собой вину, сцопал рюкзак и закинул его себе за плечи.

– Выдвигаемся! – объявил он. – «Жертвы» почти не сдвинулись с точки высадки.

– Может, поисковик барахлит? – мгновенно посерьезнел Малыш. – Иль элитчики затаились – ждут, пока гориллы придремлют?

– Доберемся до места, там и выясним, – сухо отозвался командир. – Фартовая, будь начеку!

– Ага, – послушно кивнула я и шагнула вслед за Чистюлей.

Глава 3

До места посадки элитчиков добрались без потерь. Раскисшие в окрестных топях берцы, исцарапанные лица и взвинченные нервы в счет не шли.

Одно радовало: рассвело. Яркое солнце Ганона окрасило джунгли в кроваво-красный цвет. Непривычное освещение раздражало слизистые глаз, но позволило шагать бойчее.

Судя по отголоскам, победители недавней схватки обожались заветных ягод и вернулись в стойбище. Вонючих нас они обошли стороной. Впечатленные мимолетным успехом, мы осмелели и вплотную подобрались к нужной точке.

Гориллы избрали пристанищем заброшенную людьми базу. Гиганты оказались на редкость хитрыми и изворотливыми тварями. «По ягоды» ходили не всей стаей, а отдельными группами. И пока одни «бражничали», другие охраняли территорию и потомство.

Я честно попыталась пересчитать горилл по головам, но на второй сотне сдалась. «Пугач» уже не казался таким уж надежным средством. Перевела взгляд на товарищей: выпученные глаза и отвисшие челюсти – видать, тоже впечатлились.

С отвесного обрыва прекрасно обозревались окрестности. Жизнь в оставленной людьми колонии кипела, как горячий источник Сораны. Плодовитые самки носились за непоседливыми детенышами, седые гориллы грели на солнце по-старчески костлявые туши. Молодые самцы мерялись силой. Ужравшаяся ягод группа тусила в заброшенном амбаре: из полуразвалившейся постройки доносилось утробное чавканье и сытое повизгивание.

И только десяток матерых самцов не участвовал в общем бедламе. «Сторожевые» обходили территорию базы, принимались и с подозрением поглядывали на покосившийся склад. Пеленгатор в руках Чистюли упрямо вещал, что «жертвы» укрылись именно там.

Командир кивнул в сторону зарослей папоротника. Мы послушно отползли в указанном направлении и, не отрывая взглядов от склада, укрылись среди широких резных листьев. Относительная безопасность убежища позволила немного расслабиться и порассуждать.

– Почему гориллы не заглядывают внутрь склада? – шепотом спросил Дылда. – Глядите, кружат рядом, будто не решаясь войти.

– Элитчики там точно живые? – засомневался командир. – Фартовая?..

Я выскользнула из привычных шумов и уловила слабое жужжание, исходящее из старого склада.

– Не пойму, что там... Какие-то помехи...

Распахнула глаза и потрясла головой. Потерла уши.

Чистюля задумчиво покусал губу и сообщил:

– Я, кажется, догадался, в чем дело. Элитчики добрались до отпугивающей установки колонистов и восстановили ее.

– А блок питания они где надыбали? – все также шепотом взорвался Дылда. – Поселение давно заброшено.

– Амон неплохо разбирается в технике, – напредила я.

– Не прокатит, – отринул мое предположение командир. – Единственный источник питания ...

Он оборвал речь на полуслове, но мы поняли. Резервным энергоносителем стала «куколка». Медведь любил рассказывать, как одна из его групп завела с ее помощью древнее устройство связи и подала сигнал бедствия. Ходили слухи, будто «куколки» спецом разрабатывались для подобных целей. Но решиться на такой подвиг?.. Потеряв связь с прибором, бывший владелец испытывал нестерпимые муки.

– Предположим, Михей выкинул элитчиков прямо на горилл, – рассудил Бобер. – Они укрылись на складе и выискали установку.

– Спасаясь, пожертвовали одной «куколкой», – продолжил за него Дылда. – Вопрос: чьей?

Мы переглянулись. Чистюля озвучил общее мнение:

– Амона не зря избрали командиром пятерки.

– Уважа-аю, – протянул Малыш.

– Как будем действовать? – оживилась я.

Живо представила, как корчится от боли белобрысый, и испытала нечто вроде сочувствия. Или еще большей симпатии.

– По моим предположениям, «жертвы» ждут, пока придет в себя их командир, – сообразил Чистюля. – И мы пока помедлим. Главное – не упустить момент, когда элитчики покинут убежище.

– А оно им надо? – возразил Бобер. – Отсидаются положенные трое земных суток и выигрывают «забег».

– Не выйдет, – отрезал Чистюля. – На трое суток заряда «куколки» не хватит, а потрошить еще одну Амон не рискнет. Он и без того пожертвовал репутацией – Медведь терпит многое, но не утрату связи с импровизированным хозяином.

В словах командира звучала истина. Правила «охоты» предельно просты: «ловчие» и «жертвы» высаживаются на незнакомую планету с минимальным набором оружия и техники. Задача первых – завладеть «куколками». Вторых – продержаться трое суток и сохранить ценный груз.

«Жертвы» не могут позвать на помощь раньше положенного срока. У «Ловчих», добывших «куколок», такое преимущество есть.

Путем проб и ошибок наша пятерка пришла к выводу – лучше держаться вместе. Блуждание по малоизвестной планете в одиночку, будь ты «жертвой» или «ловчим», куда как опаснее.

Убийство соперников Медведь не поощряет, а вот на легкое членовредительство порой закрывает глаза. Все ради «куколки» – таков девиз недетской игры телохранителей. Так нас учат защищать будущего хозяина и вытаскивать его из различных переделок. Живым. Остальное роли не играет.

Отбил трофей у «жертв» – выиграл: запускаешь сигнальную ракету и на спасательной шлюпке возвращаешься на борт. С победой. Сплоховал – тоже возвращаешься и получаешь пару нарядов вне очереди и выговор от Медведя. Трудно сказать, что пережить проще.

Пока я рассуждала о правилах, другие члены пятерки приуныли. Вынужденное ожидание рождало неприятные мысли и дурные предчувствия.

Первым не выдержал Малыш.

– Пожрать бы чего, – хрипло прошептал он. – Я такой голодный, что даже «пугач» будто картохой вареной отдает. Долго нам еще в засаде сидеть?

– Терпи, – предупредил его Чистюля. – Если все пройдет удачно – пообедаем на корабле.

– А если нет? – испуганно округлил глаза Бобер. – Вдруг придется в догонялки с элитчиками играть.

Не отрывая взгляда от злосчастного склада, Чистюля насмешливо хмыкнул и предложил:

– А вы корни у папоротников погрызите: вон они какие жирные.

Я с сомнением покосилась на выпучившийся из земли отросток: древовидный, плотный. Потрогала его пальцем: как камень. В пищу точно не годится.

А вот молодые побеги с еще не распустившимися листьями вызвали у меня больше оптимизма. Сорвала один – на пробу. Скрученные в колечки листики оказались на редкость сочными и мясистыми.

– Как? – деловито уточнил Малыш.

– Гадость, – нахмурилась я. – Не вздумай есть.

Сорвала еще один побег и сунула в рот.

Малыш намек понял и напихал полный рот папоротника.

– Жешкий, шволочь...

– Так ты молодые листики бери, дебила кусок, – принялся поучать его Дылда.

Наблюдать за гориллами на сытый желудок было куда как приятнее.

– К такому бы угощению еще солонины кусок, – размечтался Бобер. – Иль хоть сала...

Мы задумчиво покивали, соглашаясь. Но и без мяса побеги папоротника прекрасно утоляли и голод, и жажду.

– Я, когда пацаном был, грибы пробовал: мы их на отсыревшей стене нашли, – поделился Малыш. – Они на вкус такие же были.

Он задумчиво поковырял ногтем в зубах, закинул в рот новую порцию и продолжил:

– Тока глючило с них потом по-страшному.

Чистюля выплюнул не дожеванный папоротник и обвел нас придиричивым взглядом.

– Отставить с пиром: на сегодня припадочных хватит. А ты, Малыш, давай, заранее предупреждай о возможных последствиях. Усек?

– Да я пока в работном доме числился, и не такое пробовал. По мне так лучше грибы, с которых глючит, чем продпайки безвкусные, – скептически отозвался Малыш.

– Да ладно те заливать, – фыркнул Бобер. – Говорят, на Земле до сих пор скотину на убой разводят, а еще корнеплоды и траву разную.

– Так это для богатеньких, – отозвался Малыш. – А таким сиротам, как я, из корнеплодов один хрен и доставался. Кабы Медведь меня к лапам не прибрал, так бы и гикнул от голода. Хавали с ребятней все, че не приколочено.

– Вам же, вроде как, Император ежемесячное пособие назначал? – встрял в разговор Дылда.

– Гхм, – скривился Малыш. – Продукты хорошие мы только на базах и видели – когда транспортники разгружали. До наших животов одни очистки добирались.

– А ну прекратить! – грозно, но шепотом остановил товарищей Чистюля. – Выиграем забег, получим увольнительную – и поедем, и попьанствуем. И Императора обсудим, и его прихлебателей. А пока смотреть в оба и не гундосить.

Спор оборвался на полуслове. Я посмотрела на побеги папоротника свежим взглядом, прислушалась к себе. Розовые облачка перед глазами не плясали, на ха-ха не пробивало. Авось, пронесет. Мало ли, какие грибы в Млечном Пути растут – не все ж галлюциногенные.

Чистюля сверился с поисковиком: «жертвы» все еще сидели в засаде.

Но мы недооценили Амона. Недаром он стал командиром элитной пятерки. Ох, недаром. Стоило гориллам утратить бдительность и интерес к попискивающему складу, как «жертвы» двинули в путь.

Впереди, сгибаясь под тяжестью установки, двигал Амон. Вслед за ним шли сохранившие «куколок» бойцы. Настороженные и бдительные, они прикрывали спину командира.

Гориллы отпрыгивали с их пути и провожали протяжными раздосадованными возгласами. Установка работала исправно, но «сторожилы» не позволили чужакам безнаказанно шествовать по их территории. Вслед элитчикам полетели камни и куски арматуры. Разъяренный вожак с густой седой проплешиной вдоль спины умудрился стащить с навеса пласт железа и метнуть его в пришлых.

«Жертвы» ловко уворачивались от снарядов и продолжали отступать к джунглям. Оружие не применяли, страхась сильнее раззадорить горилл.

Мохнатые «колонисты» проводили пришельцев до зарослей и, вопя и барабанив себе в грудь, пожелали несчастливому пути.

Мы выдохнули: «куколки» в относительной безопасности. Бобер молча подхватил с земли рюкзак. Остальные вскинули парализаторы и посмотрели на командира пятерки.

– Таки придется поиграть в прятки, – крикнул Чистюля. – Фартовая, что чуешь?

– Радиус действия установки не больше пяти метров, – отчиталась я. – Сигнал слабый: для горилл он скорее неприятен, чем опасен.

– Ясно, – констатировал командир, – нам придется быть осторожными вдвойне. Все, ребята, детство кончилось. Предыдущие задания Медведя были шалостью. Это – настоящее испытание. Вперед!

Мы рванули наперерез элитчикам. Старались ступать так, чтобы листья папоротника не выдавали наше местоположение. Хуже всех приходилось Малышу: габариты и врожденная неуклюжесть – не лучшие помощники в «догонялках».

Амон все рассчитал верно: под прикрытием установки можно передвигаться быстрее. Пока мы минуем опасный участок, его ребята успеют затеряться в зарослях.

– Я, кажись, разгадал коварный план Медведя, – торжественно объявил Дылда, подныривая под очередной лист.

– Думаешь, он знал, что Амон раскопает установку? – буркнул Бобер.

– Недаром же их в заброшенном поселении выкинули, – согласился Чистюля. – А нам повезло, что у Фартовой тонкий слух.

Хвастать не люблю, а потому нахмурилась и сменила тему:

– Как думаете, на сколько хватит энергозапаса куколки?

– Смотри, какая модель досталась Амону, – выдал Чистюля.

– Ниче, – подначил нас Малыш. – Далеко они с такой бандурной не упрыгают. Останутся и затаятся где-нить в лианах. Они ведь не знают о способностях Фартовой.

– Или знают? – спросил Чистюля.

Спинным мозгом ощутила, как ребята сверлят меня взглядом.

– Я ему не говорила.

– Точно? – не унимался Бобер.

Сомнения напарников задели за живое. И без того взвинченные нервы натянулись до предела.

– Слушайте, мы с Амоном едва знакомы. Да, он нравится мне, но это не значит, что я готова раскрыть ему все карты. И сейчас он для меня такой же противник, как и для вас.

Я затормозила и приготовилась отразить дальнейшие нападки. Уже не словесно.

– Не кипятись, – успокоил меня Чистюля. – Мы в тебе не сомневаемся, но уточнить надо.

– Нормально, – фыркнула я. – Далеко наши «жертвы»? – кивнула в сторону пеленгатора.

И как сглазила. Аккумулятор прибора подмигнул напоследок экраном и угас.

– Все, дальше сами, – сообщил Чистюля. – И так в этот раз долго работал.

– Ага, – мотнул башкой Дылда. – В прошлый раз еле успели местоположение «жертв» определить.

– Медведь, видать, добрый был, скидку сделал, – хохотнул Малыш. – «Жертвы» элитные, а мы так – мелкота.

– Эт ты зря, – ошетинился Бобер. – Медведь просто так авансы не выдает.

– Тут в задании дело, а не в командах, – подтвердил Чистюля. – Давай, Фартовая, бери след. У элитных пеленгатор тоже должен был отрубиться – самое время использовать преимущество.

Отключила привычную картинку мира, обратилась в слух. Установка все еще работала, но сигнал стал другим. Он больше не вызывал испуга, а напоминал назойливых moskitov Цериуса. Так и захотелось приклепнуть источник раздражения.

– Туда, – указала направление. – И быстрее: установка больше не отпугивает, а злит. И выставлен сигнал на полную мощность. Скоро сюда сбегутся все стаи.

Мысленно представив, сколько «колоний» горилл существует на Ганоне и как близко они расположены от установки, пришла в ужас. Мохнатые гиганты, опьяненные ягодами и доведенные до безумия сигналом, сметут нас с лица Галактики.

Мы рванули к источнику звука. Я все сильнее ощущала противный писк. Он приводил меня в бешенство.

Когда добралась до установки, едва сдержалась, чтобы не разнести его в клочья. В припадке беспричинного гнева отбросила парализатор в сторону. Прижала ладони к вискам. Глухо застонала, не в силах совладать с приступом ярости.

К ржавому, покрытому темным налетом плесени громоздкому агрегату лианой была прикручена «куколка». Заветный трофей подавал признаки «жизни», помигивая множеством датчиков.

Чистюля и Дылда, спецы по электронике, взялись за дело. Вырубить установку, не повредив «куколку», – задача не из простых. Один неверный шаг, и «ловчие» потерпят крах. Догнать остальных «жертв» вряд ли получится, так что вся надежда на этот экземпляр.

Пока ребята возились с установкой, Малыш поддерживал мой боевой дух. Если бы не адская головная боль и кровотечение из носа, я могла бы вдоволь посмеяться над его нелепыми попытками. Он так заботливо поддерживал мою голову и не разрешал брыкаться: не напарник, а нянька.

– Закругляйтесь поскорее, – требовал Малыш. – А то наша девка ща в очистку превратится. Вон, соплями кровавыми изойдется.

Преодолела боль и улыбнулась. Впрочем, мой оскал «нянька» принял за последнюю стадию припадка и выпучил глаза.

– Держись, ты ж Фартовая!..

Боль отступила внезапно. Я обмякла в железных объятиях Малыша и прикрыла глаза.

Тот тряхнул меня, как пыльную тряпку, и взревел:

– Эй, ты че?!

– Да жива я, жива... – Голос мой был сиплым и тихим. – Не тряси так, дай посижу малость. Отдышусь.

Малыш прислонил меня спиной к толстому шершавому стволу пальмы. Замер рядом, прислушиваясь.

Гориллы вопили совсем близко. Несмотря на то, что установка замолчала, они продолжали выискивать обидчика.

– «Куколка» выдохлась, – объявил Дылда. – Если сейчас включить режим отпугивания – «сдохнет».

И без особых способностей я слышала: нас обнаружили. «Пугач» выветрился, а гориллы все еще были злы. Разъяренная стая неслась на нас, сминая стволы деревьев и разрывая лианы в клочья.

На размышления у командира было не больше секунды. На одной чаше весов – наши жизни, на другой – едва пиликающая «куколка».

– Парализаторы наизготовку! – объявил Чистюля.

Выстрелы посыпались метеоритным дождем. Но для крупных животных электромагнитные разряды оказались слабоваты. Оглушенные особи быстро приходили в себя и с двойным напором бросались в драку.

Я потеряла счет времени и зарядам. От приклада ныло плечо, глаза слезились. А гориллы не убывали. Они сыпались со всех сторон, норовя распороть мне и моим напарникам глотки.

Мы отступали. Отползали вглубь джунглей, стремясь скрыться от преследователей. Установка призвала огромную стаю, и теперь гориллы отталкивали друг друга, соревнуясь за право уничтожить нас первыми.

Употребление ягод и изоляция пошли животным на пользу. Избавленные от хозяйев людей гориллы эволюционировали и научились мыслить. Просчитывать возможные ходы противника. Потолкавшись с «соседями», они пришли к единому мнению: окружить чужаков.

Зажатые в тесное кольцо мохнатых тел, мы дрогнули. Гориллы почуяли превосходство и больше не лезли вперед. Принялись скалиться и бить себя в грудь. Будто чуяли близкую победу.

Глянула на датчик заряда парализатора: запас на исходе. Еще с десятков выстрелов, и я безоружна. В рукопашной схватке одолею не больше десятка противников.

Напарники также медлили, жалея разряды. Мы встали спина к спине, прикрывая телами чудом уцелевшую «куколку».

Вперед выступил здоровенный самец: седая шерсть его отливала на солнце червонным золотом. Встал на задние лапы, оскалил пасть. С его массивных резцов стекала слюна, выпученные глаза полыхали решимостью.

– Мне кажется, или он предлагает поединок? – хрипло спросил Чистюля.

Не дожидаясь ответа, сделал шаг вперед. Но Малыш остановил его.

– Я пойду. Тебе еще вести пятерку к финишу.

Наш гигант ростом не уступал противнику. Комплекцией тоже. Малыш отбросил оружие и встал напротив гориллы. Смерил того уничижающим взглядом.

Вожак рыкнул и положил лапы на плечи недруга. Малыш повторил его жест. Сцепившись, борцы закружились на месте. Они пыхтели и фыркали. Но не сдавались.

Сохранив достоинство, вождь не пытался укунить Малыша или царапнуть когтями. Дважды ставил подножку, но человек не уступал ему в ловкости. Дикий, первобытный танец продолжался.

Остальные гориллы сбились в кучу и наблюдали за происходящим. Радостно запрыгали, когда их вожаку удалось оторвать противника от земли. Следом разочарованно взвыли: Малыш вцепился в густую шерсть на бедрах оппонента и устоял. Уперся в грудь вожака и перекинул того через плечо.

В бросок Малыш вложил всю силу: горилла треснулся о землю и разочарованно завопил. Поджал под себя лапы. Притих.

Смиренная поза повергнутого вожака вызвала у сородичей секундное замешательство. Но гориллы быстро пришли в себя: склонили мохнатые головы перед победителем и часто-часто закивали.

– Я терь че, их герой? – удивленно протянул Малыш.

Упер руки в бока и осмотрел «подданных». Гориллы перестали кивать, но избегали его взгляда.

Я не удержалась от истерического смеха: ситуация и правда забавная. Из преследуемых чужаков мы превратились в местных кумиров. Чего-чего, а такого исхода никто из нас не предполагал.

Меж тем низвергнутый вождь развернулся к победителю спиной и, пригибаясь к земле, поковылял подальше от места схватки. Затерялся в толпе сородичей.

Пока победитель нерешительно мялся, Чистюля подхватил «куколку» и закрепил у себя на спине. Подошел к Малышу и расплылся в улыбке. Хотел по-дружески огреть товарища по спине, но сдержался: кто знает, как отреагируют на это гориллы.

– Молодец! – командир ограничился похвалой.

– Может, прикажешь подданным загнать для нас «жертв»? – с надеждой предложил Дылда.

– Ага, – смущенно кивнул Малыш. – Знать бы еще как...

Он горестно вздохнул и похлопал себя по бокам.

Словно в ответ на его жест от стаи отделилась массивная чернильно-черная самка и подошла к новому «вожаку». Потерлась круглым боком о его ноги.

– Э, нет девочка, – рассмеялся Малыш. – Мне мохнатые не нравятся.

Горилла подняла голову: в ее карих глазах застыли человеческие слезы.

Малыш сжалился и неловко провел пятерней по ее затылку.

– Не переживай ты так, найдешь себе нового кавалера.

Отвергнутая горилла глухо рыкнула и обернулась к сородичам. К ногам Малыша прискакали еще две самки.

Тут наш гигант совсем сник.

– Выбирай быстрее, – полушутливым тоном предложил Бобер. – Не жди, пока дамочки рассердятся и набросятся на нас.

Первыми вострепнулись гориллы. Вслед за ними и мы уловили близкое уханье и улюлюканье.

– Опять? – не выдержал Дылда. – Я только успокоился.

Послышались звуки стрельбы и человеческие возгласы.

– Элитчики, – удивленно сообщил Чистюля. – Не успели сбежать: попались на собственный крючок.

– Вот пусть теперь и расхлебывают, – объявил Бобер. – Нефиг устраивать партнерам смертельные ловушки.

– Амон не знал, что мы потащимся к установке, – возразила я. – Он спасал свою пятерку и «куколки».

Мы в один голос заорали, привлекая внимание «жертв». Элитчики слышали зов и двинули к нам.

Чем ближе они подбирались, тем сильнее волновались «наши» гориллы. Малыш, самопровозглашенный вожак, поднял с земли парализатор и приготовился к схватке. Мы не отставали.

Как только «жертвы» появились в зоне видимости, поддержали их залпами.

– Двигайте сюда, – позвал их Малыш. – Этих не стрелять, они помогут, – указал он на «свою» стаю.

Ситуация складывалась не в нашу пользу. Даже при наличии группы поддержки из «прирученных» горилл, противники превосходили нас числом.

Парализаторы разрядились окончательно. Пришлось вспомнить все приемы, отработанные до автоматизма в спортзалах базы. В ход пошли руки, ноги, а потом и зубы.

Наравне с нами в схватке участвовала стая Малыша. В бесконечном круговороте мелькающих мохнатых тел отличить «своих» горилл от «чужих» было трудно. Потому пользовались единственным правилом: нападают на тебя – отражай, на твоего товарища – выручай.

Оглушенные разрядами гориллы быстро приходили в себя и с двойным азартом вливались в ряды дерущихся. Не прерывая боя, командиры «ловчих» и «жертв» переглянулись и пришли к выводу: три дня на Ганоне мы не выдержим.

– Бобер, запускай сигналку! – окликнул Чистюля. – Фартовая, Малыш, прикройте его!

Пока товарищ возился с ракетой, мы охраняли его покой. От Малыша ни на шаг не отставала черная самка – усердно махала мощными лапами и работала челюстями. Я удивилась и позавидовала такой преданности.

Спасательная шлюпка спустилась через десяток минут, и они показались нам вечностью. Упавшая с неба громадина испугала горилл, и они метнулись в разные стороны.

Плывать, что завладели только одной «куколкой». Плывать, что Медведь лишит увольнительной за несоблюдение срока. Плывать. Хотела поскорее убраться с этой мерзкой планеты и никогда больше не видеть горилл. Не забывая оглядываться, вместе с командой рванула к шлюпке.

В последний момент черная самка метнулась обратно – не могла оставить «вожака». Не знаю, инстинкт это или истинная преданность, но горилла спешила на помощь Малышу. Боязливо пригибаясь к земле, она выползла из-за ближайшей пальмы и устремилась к нам.

Остальные гориллы опомнились и высунули морды из укрытий. Нам оставалось не больше пяти метров до спасательной шлюпки.

Бегущий впереди Малыш затормозил. Развернулся и кинулся обратно.

– Куда?! – заорал на него Чистюля.

На черную самку набросились сразу три гориллы из враждебной стаи. И Малыш решил вернуть долг чести.

Я прибавила скорость. Впечаталась в металлический борт шлюпки, потянулась к кодовому замку.

Рядом взвыл Чистюля:

– Малыш, назад! Немедленно!

Нащупывая нужные кнопки, снова обернулась. Потасовка между гориллами продолжалась. Воздух вновь наполнился криками и стонами. Наш товарищ вступил в неравную схватку с дикими тварями.

Я дернулась. Но командир не дал мне совершить роковую ошибку.

– Залезай! – Подтолкнул меня под зад.

Перевалилась за борт, судорожно хватанула ртом воздух. Следом забрались остальные. Чистюля в последний раз обернулся на оставленного товарища.

К шлюпке уже спешили гориллы. Я слышала их вопли совсем близко. Высунулась из-за спины командира и взвыла:

– Не-е-ет!

Массивная когтистая лапа полоснула по шее Малыша. Из его распоротого горла хлынула кровь. Гигант упал, и на него навалились рычащие демоны.

Черная самка, круша налево и направо, смела с «вожака» его убийц. Но было поздно. Горилла ударила себя в грудь и завывала. Как и я.

Дылда усадил меня в кресло и застегнул ремни. Чистюля опустил люк шлюпки.

Я опомнилась и иступлено заверещала:

– Нужно забрать Малыша на борт.

Сидящий напротив Амон скорбно покачал головой.

– Его не спасти, сама видела.

Закрыла лицо ладонями и кивнула. Среди телохранителей не принято хоронить товарищей. У нас не должно быть друзей и привязанностей. Только хозяин.

Шлюпка задрожала и взмыла в воздух.

Глава 4

Как добрались до базы, помню плохо. Перед глазами все еще стояло лицо Малыша, и не верилось, что его больше нет. Напарники и элитчики разделяли общую скорбь. И даже Михей не отпускал шуточек и управлял кораблем так, словно вез хрупкие кристаллы.

После давней, почти забытой трагедии детства, я впервые столкнулась со смертью близкого человека. Телохранители погибали, и часто, но вот так, на моих глазах... Ни наставления Медведя, ни опыт других пятерок не подготовили нас к этому. Чистюля был прав, игры остались в прошлом. Мое детство закончилось с подачи извергов в черных масках, а юность перечеркнула гориллья лапа.

Батя, если и расстроился, то виду не подал. И принялся вразумлять поникших нас излюбленным способом.

– Стоять смирно и носами не хлюпать! – орал он, окидывая нас пронизательным и суровым взглядом. – У меня тут не пансион для благородных барышень. Я не отдавал приказ защищать горилл и рисковать шкурами ради возвышенных целей.

Утерла глаза рукавом куртки и подобралась. Вскинула голову.

– Малыш погиб как герой.

Медведь зарычал. Подскочил ко мне – ухватил за ворот куртки и приподнял над полом.

– По-идиотски он погиб! Понимаешь?!

Несмотря на бедственное положение, отважилась возразить:

– Малыш защищал того, кому доверился.

Медведь сверкнул глаза и рявкнул:

– Говорил мне Раф: не бери девчонку, у них вместо мозгов – мыльницы.

Батя разжал ладонь, и я соскользнула на пол.

– Сколько можно повторять, – продолжил он гневную речь, – вы не герои, не борцы за добро и справедливость. У телохранителя одна задача: защищать владельца. А пока не заимели хозяина – берегите «куколок». Свои понятия о справедливости и чести можете засунуть себе в «шлюзы».

Я всегда уважала Медведя как профессионала и ценила как наставника. Но в тот момент сорвалась. Обида, нанесенная погибшему другу, разбила в клочья инстинкт самосохранения.

– Ненавижу «куколок»!

У Медведя дернулся левый глаз. Лицо стало огненно-красным, как Марс.

– Ты... – процедил батя сквозь стиснутые зубы, – недостойна звания телохранитель. Мягкотелая и бесхребетная. Сегодня же отправлю тебя подальше. Выбирай: рабочий дом или колония – любая, на твой вкус.

Выпятила грудь и одернула на себе куртку.

– Я отсюда не уйду. Не для того столько продержалась, чтобы уйти с позором.

Медведь прищурился и жестоко обронил:

– Не в моих правилах прощать оскорбления, нанесенные хозяину. Пусть и потенциальному.

Я шумно сглотнула. Батя, как всегда, прав: за такой проступок правилами предусмотрено не изгнание. Смерть!

– Хорошо, – кивнул Медведь. – Дам тебе еще один шанс.

Тяжело вздохнул и приказал Михею:

– Отправь ее на Гранит. Немедленно. Своего «старичка» оставь отдыхать, а вместо него возьми разведкатор. Он маневреннее и топлива жрет меньше.

Пилот побелел и посмотрел на меня как на покойницу. Кивнул, не в силах произнести ни слова.

Медведь забрал из рук Чистюли с таким трудом добытую «куколку». Заменял аккумулятор и вручил мне вместе с ошейником.

– Сутки на твоей родной планете. Выдержишь – приму обратно. Согласна?

Закрепила ошейник на шее. Прижала к себе «куколку»: ради тебя, Малыш.

– Согласна!

– Ступай... – распорядился Медведь и похлопал меня по плечу.

Не обернувшись на товарищев – не люблю прощаться. Невидящим взором уткнулась в спину Михея. Ноги отказывались повиноваться. Руки тряслись, и я сжала их в кулаки. Телохранитель не должен показывать, что ему страшно. Никогда. Ни при каких условиях.

Жалела ли я о своем выпадении? Нет. Отдать дань уважения другу – мое право. А наказание заслужила. И назад пути нет. Все справедливо.

Потрясенный Михей помог мне расположиться в двухместной посудине. Заметил, что у меня дрожат руки, и сам закрепил страховочные ремни.

На базе все знали, как я попала к Медведю. Ходили слухи о том, как на базу являлись служители закона и выспрашивали у меня подробности резни на Граните. Дважды приезжал Раф, начальник имперской гвардии. Но и он не выжал из меня сведений. Моя память так и не восстановилась. Не помогли ни эмпаты, ни гипноз, ни технические новинки. И батя запретил мучить ребенка.

Обрывочные фразы и картинки преследовали меня в ночных кошмарах, грезились наяву в опасные моменты. И я боялась. Всегда.

– Хватит! – приказала сама себе. – Пора победить страх перед прошлым.

Гранит, суровая планета на окраине Галактики. Мой личный ад. Моя родина. О ней ходили легенды – темные и загадочные, покрытые налетом предрассудков и смутных догадок. Что из них правда? Если бы я помнила.

На уроке истории Галактики нам рассказывали о многих планетах – населенных и нет. На одних мы мечтали побывать, когда разбогатеет. Другие пугали нас даже на голографиях. Демос, пожилой учитель, в прошлом – космический путешественник, рассказывал много, часто не по делу. Мы, телохранители низшего разряда, не любили подробностей. Запоминали главное: можно выжить на планете или нет, как увеличить шансы на спасение «хозяина».

Про Гранит пришел поведать нам сам Медведь. Щедро разбавляя речь ругательствами и междометиями, он рассказал о спецзадании, назначенном Императором. Тогда Медведю с его «птенцами» и Рафу с отборной группой гвардейцев поручили отразить нападение на клан Погонщиков.

– Колонию разорили, стерли с лица Галактики, – сообщил ученикам батя. – Император нарушил данное Погонщикам обещание: не уберет население Гранита и его уникальных питомцев. Патрульные крейсера не передали сигнал о нападении, и помощь прибыла слишком поздно.

– А что за питомцы? – спросил тогда Чистюля, любопытный не по годам мальчишка.

Помню, как от этого вопроса я вжалась в жесткое сиденье. Неуловимый образ мягкого и бесконечно дорогого существа мелькнул в моей памяти. Словно ангел коснулся крылом и тотчас исчез.

Медведь зыркнул в мою сторону и пояснил:

– Долгое время Погонщики были легендой. Путешествовали по всему космосу и не шли на контакт с чужаками. Говаривали, будто их клан путешествовал среди звезд при помощи невиданных тварей. Животные помогали им преодолевать огромные расстояния за считанные секунды.

– Их питомцы вырабатывали экологическое топливо? – предположил Чистюля.

– Байки все это, – возразил Малыш. – У Императора Млечного Пути и частников есть сверхскоростные лайнеры, зачем им какие-то там кочевники?

– Байки не байки, но за три года до трагедии Император заключил с Погонщиками договор: выделил им планету и пообещал абсолютную безопасность, – выдал Медведь. – У кочевников тогда то ли мор на животных нашел, то ли напали на них в очередной раз, мне доподлинно не известно. Важно, что Погонщики взамен пообещали Императору раскрыть свой секрет и обеспечить особыми для разведения.

Мои напарники увлеклись историей. Дылда, и тот перестал украдкой пинать Бобра под столом. А мне хотелось закрыть уши и выбежать из учебного зала. Зарыться с головой под одеяло и выплакаться всласть.

Медведь косился на меня, но продолжал:

– Срок договора подходил к концу. Четыре месяца, и в руках Императора оказалась бы новейшая разработка. Как сами понимаете, не всех это радовало. Чем сильнее Его Величество, тем меньше шансов поживиться за счет Империи. Попытки вторгнуться в колонию Погонщиков участились, но флот не зевал. И лишь однажды случилась осечка. И я, и Раф сошлись в одном: виной всему предательство. В руках нападавших оказалось слишком много сведений: маршруты патрулей, позывные, коды связи. Налетчики точно знали: куда идти и когда.

– И что же стало с теми, кто встал на пути Императора Галактики? – хмыкнул Чистюля.

– Их ищут до сих пор, – рыкнул Медведь. – Из клана погонщиков выжил только один человек. И тот потерял память.

Тут все обернулись на меня. Ребята сочувственно покивали, а Медведь прищурился. Он все ждал, что вспомню.

Я отвернулась и демонстративно сложила руки на груди.

– От меня продолжения не ждите.

Батя невесело усмехнулся и пробасил:

– Тогда я закончу. Император в очередной раз нарушил обещание, и окончательно утратил доверие у других кланов и частных компаний. Таинственных животных так никто и не увидел. Согласно официальному заключению, Погонщики сами прикончили питомцев.

Глаза мальчишек стали круглыми и большими.

– Сами уничтожили то, чем так дорожили?! – охнул Чистюля. – Не верю.

– И я... – процедил Медведь.

В учебном зале повисла тишина. Мои напарники переваривали информацию, и на их лицах отражался буйный мыслительный процесс.

Медведь набрал на пульте название планеты, и на учебном голографе развернулись снимки и столбики данных. Я зажмурилась, не желая смотреть.

– Почему из всех свободных планет Погонщики выбрали Гранит? – недоумевал Дылда. – Скучная почва, воздух с примесями...

– Гранит удален от основных баз Галактики и любопытных взоров, – пояснил Чистюля. – А подземные резервуары с пресной водой и кактусы – позволяют выжить.

Медведь кашлянул и подошел ко мне ближе.

– Только Погонщикам удалось обжиться на Граните. Их колодцы – уникальны в своем роде. Так их растак!

Тут я и не выдержала. С визгом покинула учебный зал, несмотря на окрики Медведя.

Больше ни батя, ни ребята, ни разу не упоминали при мне про Гранит. До сегодняшнего дня.

Пока я предавалась воспоминаниям, Михей прокладывал курс. Подвластные его молниеносным движениям, две светящиеся точки на главном экране соединились зигзагообразной линией.

– Два прыжка сделаем, – ответил на мой невысказанный вопрос пилот. – Так надежнее. В противном случае рискуем отклониться от курса.

– Делай, как знаешь, – буркнула я. – Мне все равно.

Михей кивнул и привел катер в движение. Я закрыла глаза, настраиваясь на прыжок.

Покинув орбиту Тифона, пилот завел гипердвигатель. Привычное пространство изменилось, деформировалось в нечто и ничто. Катер, как мыльный пузырь, проник в раскаленную плазму Вселенной и потек к намеченной точке.

Ощущение того, что меня вывернули наизнанку, заглушило поток мыслей. Оказалось, физическое страдание способно облегчить душевные муки.

Краткая передышка и новый прыжок. Выход из нереального. Оглушительный свист в ушах и болезненное восстановление кровообращения.

Мы прибыли на место. Глубоко вздохнула, скинула ремни и отправилась в грузовой отсек – готовиться к спуску.

Михей вошел следом. Кашлянул, привлекая внимание.

– Чего тебе? – Я обернулась.

Рослая широкоплечая фигура заняла весь проем люка. Михей нерешительно переступил с ноги на ногу, тряхнул шевелюрой. Золотисто-желтые пряди рассыпались по его плечам.

Я не сдержала улыбку. Михей единственный из всех «птенцов» Медведя носил длинные волосы. Как ни странно, они совершенно не делали его женоподобным. Напротив, придавали особого шарма скуластому лицу и оттеняли зеленые раскосые глаза.

– Слушай, я тут подумал... – замялся он и протянул мне фляжку с водой. – На.

Посмотрела на предложенную вещь. Оценила щедрость пилота и слабо возразила:

– Достаточно нарушителей табу на сегодня.

– Так никто ж не узнает, – пожал плечами Михей. – Говорят, на Граните жарко, как в пекле.

Оттолкнула фляжку. Опустилась на корточки и отвернулась.

– Высади меня на разгромленной базе. Сама найду воду.

Михей присел рядом, толкнул меня боком.

– С тобой пойду.

Я обернулась и уперлась в его смешливую физиономию. Так и захотелось дать оплеуху: нашел время шутить.

– Да не смотри ты так, – нахмурился пилот. – Я на полном серьезе.

Недоверчиво приподняла одну бровь и спросила:

– Нафига?

Михей покусал нижнюю губу и нахмурился.

– Я вот что подумал: вдруг не все животные погибли, и ты сумеешь их отыскать. Неспроста тебе Медведь такое наказание дал.

– А-а-а, – протянула я. – Так ты, значит, кладоискателем заделался. Не, не выйдет.

– А вдруг? – не унимался пилот. – Ты единственный уцелевший представитель клана.

Вскочила на ноги и заорала:

– Сколько можно повторять: Погонщики погибли! Все! И я умерла там, на Граните. Десять лет назад. Медведь подарил мне вторую жизнь, и я ничего не хочу помнить о прошлом. Спускай меня туда и оставь в покое.

Шагнула к спасательной шлюпке и оперлась на нее ладонями. Прислонилась лбом к холодному металлу.

Михей склонился надо мной. Проговорил в затылок:

– Я все равно сойду на Гранит. Если не хочешь идти вместе – поищу животных сам.

– Имперские службы обшарили планету вдоль и поперек, – напомнила я. – И меня туда возили: дважды.

– И?

– Не хочу, чтобы ты видел, как будущий телохранитель рыдает над обломками и мажет сопли по физиономии, – честно предупредила я. – Большого от меня не добиться.

Повернулась к нему недобро зыркнула.

Михей снял с шеи причудливо повязанный шарф и протянул мне:

– Пользуйся на здоровье. У меня на базе еще есть.

Мой смех больше походил на хрип из-за заложенного носа. Но напряжение спало.

– Так и быть, идем со мной. Не боишься, что батька накажет за самодеятельность?

Михей фыркнул:

– Медведь распорядился доставить наказанную на Гранит и посадить. О том, чтобы дожидаться тебя на катере, речи не было.

– А если запросит тебя по связи? – не унималась я.

Пилот самодовольно усмехнулся и склонил голову к плечу.

– Сообщение кину, что прибыли, и помехи врублю.

– А прокатит?

– Еще как: сама знаешь, на Тифоне всегда помехи из-за электромагнитных бурь.

Щелкнула языком и ткнула пилота локтем:

– И часто ты так делаешь?

Михей подмигнул и поманил меня обратно в рубку управления.

– Садись, приземляться будем.

Наглость пилота не имела границ. Мало того, что решил сопровождать наказанную, так еще и пренебрег правилом маскировки.

– Медведь тебя укокошит, – заявила я, плюхаясь в кресло.

– Ага, – согласился Михей. – Если узнает. Ты ведь ему не расскажешь?

– Нет, – пробормотала я и добавила: – Если вернусь.

Пилоты были самыми привилегированными учениками Медведя. В отличие от нас, приемшей, прибывали к Медведю не от безысходности, а по собственной инициативе. Или по воле родителей, как в случае с Михеем. Для них Тифон был военно-учебной базой, альтернативой имперским кадетам. Откатав на боевых кораблях пять земных лет, они получали диплом и право называться виртуозами пилотажа. Их ждала слава и известность.

Будущих телохранителей пилоты не жаловали. Многие вообще презирали, да и зачем им якшаться с низшими по рангу. Корабли они ценили больше, чем «груз»: пятерок на Тифоне много и стоят они дешевле кораблей.

Медведь извлекал из этого выгоду. Батька ничего не делал просто так. Взаимная неприязнь пилотов и пассажиров помогала нам соблюдать инструкции.

И теперь Михей нарушил правило. Дурной...

Пока катер плавно приземлялся, украдкой наблюдала за пилотом. Впервые так близко видела его в деле: лицо сосредоточенное, серьезное; руки без усталости бегают по клавиатуре и дергают нужные рычаги.

– Интересно? – проронил Михей.

– Еще как, – не стала отнекиваться я. – Нам управление кораблями больше в теории преподают – на экстренный случай. Так как ты – не умею. А мне летать нравится.

– Работай над собой, – посоветовал Михей, – может, Медведь тебя к элитным переведет. Им по статусу больше полетов положено.

Печально вздохнула: верно, элитчиков и на крейсера сажают, и на лайнеры. А нам так, на дряхленьком десантнике по орбите покружить, да знать, как гипердвигатель завести, чтоб хозяина не угробить.

– Не хочу к элитчикам – задаваки они жуткие, – разоткровенничалась я. – Лучше расскажи, как самостоятельно курс проложить.

Михей фыркнул и метнул в меня быстрый смешливый взгляд.

– Зачем тебе: аварийный прыжок задашь, да и ладно. Корабль сам выберет, куда проще добраться.

– А если система навигации выйдет из строя, – не унималась я. – Иль аварийный курс поменять захочу?

– Тогда и ты трупом будешь, и твой хозяин, – предупредил Михей. – За пять минут принцип свертывания многомерного пространства не объяснишь. Опытные пилоты, и те порой ошибаются.

– Не доверяю я технике: ненадежная она, бездушная. Вот если бы люди сами летать научились, как птицы.

– С твоей фантазией не в наемники идти, а в сказочницы, – рассмеялся пилот.

Из катера мы с Михеем выбрались если не лучшими друзьями, то надежными напарниками, как минимум. Страх перед прошлым испарился, и я отважно ступила на красноватую, изъеденную трещинами каменистую почву.

Не задумываясь, стянула с себя защитный шлем. Сухой раскаленный воздух коснулся лица, взъерошил волосы.

– Ты чего? – испуганно вскрикнул Михей. – Надень шлем обратно.

Раздраженно повела плечом и хмыкнула:

– Зачем? Когда была маленькой, не носила шлем.

– Видишь! – объявил Михей и многозначительно поднял вверх указательный палец. – Ты не все забыла.

Насупилась и натянула на голову прозрачную защиту. Хотела еще и уши заткнуть, но в шлеме как-то неудобно.

Михей не был наказанным, а потому прихватил из корабля продпак, фляжку воды и парализатор. Подумал и добавил к ним портативный прожектор и моток веревки. Судя по хитрой физиономии, в мыслях он уже нашел среди руин мифических животных и, зааркавив, вел стадо на корабль.

– И не мечтай! – не удержалась я от едкого замечания. – Никого мы не найдем.

Михей буркнул что-то нечленораздельное, сложил вещи в рюкзак и закинул его за плечо.

– Идем.

Мы стояли на открытом плато, густо усеянном рытвинами. Слева – глубокий каньон, упирающийся в красно-оранжевые горы. Справа – неактивный вулкан Торон. Прямо перед нами распростерлась долина. Там, замеченные мелкозернистой красноватой пылью, возвышались руины.

Комок подкатил к моему горлу, по щекам потекли соленые ручейки. Перед глазами вновь вспыхнул пожар, а уши наполнились предсмертными криками и ненавистным смехом палачей в черных масках.

– Чего замерла? – окликнул Михей и толкнул меня в бок.

Поспешно сморгнула наваждение и сжав ладони в кулаки, зашагала вперед. Едва слышно хлопнула носом. Избегая смотреть на жалкие остатки колонии, уткнулась взглядом под ноги.

Каменистую пустыню, оставленную людьми, покорили кактусы. Их округлые, с большим количеством поперечных ребер, бока щетинились колючками и мохнатыми ворсинками. Толстая кожа защищала их от палящего солнца и зноя. Одни были маленькими и пухлыми и едва достигали уровня колена. Другие – высоченные, со множеством отростков – мы с Михеем обходили стороной.

– Знаешь, как красиво, когда они цветут, – поделилась я. – Один месяц в земном году пустыня преобразается. Наполняется цветом и запахом.

– А между кактусов гуляют стада животных и выделяют сверхскоростное топливо... – с намеком добавил Михей.

Прекрасное видение исчезло, и я опять всхлипнула.

– Прекрати.

Но Михей не замолчал. Затянул песенку наемников – протяжную и тоскливую:

«Когда придет мой час – не знаю,
Не жду и не зову конец.
И только весело шагаю,
Презрев печалей всех венец...»

Я остановилась у подножия многометровой стены. Архитекторы Погонщиков были способными мастерами: из монолита камней возвели заградительные укрепления вокруг жилищ. Жаркий ветер и песчаные бури так и не сумели смести их с Гранита. И только бреши от взрывов оставались немymi свидетелями давней бойни.

Хуже пришлось возведенным домам и загонам для животных: кварцевые плиты, изготовленные из преобразованного песка, не устояли перед огнем. С оплавленных перегородок все еще стекали застывшие бурые капли. Жилища продолжали оплакивать погибших хозяев. Подсвеченные беспощадным солнцем, они отливали всеми оттенками красного. Словно кровь, пролитая десять лет назад.

Мне стало страшно. Лавина воспоминаний обрушилась на замершее сердце. Но я не поддавалась панике. Закрыла глаза и подхватила мотив пилота:

«Но смерть придет, исчадье рая,
Обнимет грубою рукой
И скажет, душу отнимая:
– Ты, брат, отправишься со мной.
И я пойду за ней, стеною,
Оставив в прошлом суету,
Врагов и друзей забывая,
Покинув счастье и мечту...»

В едином порыве мы с Михеем стянули с голов защитные шлемы, отдавая дань уважения погибшим. Легендарным Погонщикам. Неотфильтрованный воздух с непривычки пощипывал легкие, но кислорода в нем было достаточно.

Пилот обернулся и кивнул в сторону широченной бреши в стене.

– Идем?..

Он протянул руку, я уцепилась за нее, как утопающий. Тело бунтовало, отказываясь повиноваться. Верно говорит Медведь: опаснейший враг – твой страх. Победи его, и весь мир ляжет к твоим ногам.

Обломки кварца хрустели под подошвами ботинков и рассыпались яркими блестками. Лихорадочное солнце припекало макушку.

Михей разделся до пояса и разорвал пополам футболку. Одну часть протянул мне.

– Повяжи на голову.

Приняла лоскут ткани – не синтетика, растительное волокно.

– Медведь с тебя взыщет за расточительность.

Михей усмехнулся и спешно натянул куртку: припекало так, что обнаженные участки кожи едва не дымились.

– Родители отдали командиру за мое обучение приличную сумму. На новую майку точно хватит.

– Хорошо тебе, – сообщила я, утирая вспотевший лоб. – За меня платить некому.

Михей ущипнул себя за кончик носа и прищурился.

– Я тебе одну вещь скажу, только не проболтайся... – он дождался утвердительного кивка и продолжил: – Медведь перечисляет огромные суммы в работные дома. А за понравившихся

малышей платит столько, сколько затребуют. И пусть командир представляется всем черствым воякой, у него доброе сердце. Родители ни за что не отправили бы меня на Тифон, если не были уверены в Медведе.

– Он заменил мне отца, – преодолевая хрипоту, согласилась я. – А мальчишки из пятерки стали братьями.

Вспомнила о Малыше и сникла.

– Жестокость Медведя оправдана, как бы нелепо это ни звучало, – заметил Михей. – Чтобы выжить в Империи, придется затвердеть. И заковать человеческое сердце в тяжелую броню.

– Пойдем, – я протянула пилоту руку.

И повела товарища к заветному месту. Туда водили меня вояки и эксперты из имперских служб. Там я в последний раз теряла сознание от накопившейся горечи и бессилия.

Присыпанные песком, в центре поселения высились остовы длинных загонов для животных. Святыня Погонщиков. Колонисты бились до последнего, защищая любимцев.

Михей принялся расшвыривать ногами груды песка и спекшихся кварцевых слитков. Я прислонилась к горячей стене и молча наблюдала за ним. Слез не было, только печаль.

– Ух ты, смотри, какая штучка! – восхищенно воскликнул кладоискатель.

Михей передал мне находку. Продолговатый камушек, свитый в спиральку, лег в мою ладонь. Я улыбнулась и тронула его пальцем.

– Красивый...

– Он похож на маленькое солнце, – согласился Михей. – Как и твои волосы.

Улыбнулась и с надеждой в голосе попросила:

– Можно мне его забрать. На память.

– Бери, не жалко, – пожал плечами Михей.

Устав от бесплодных поисков, он расселся на земле.

– Ты совсем их не помнишь?

– Кого? – переспросила я, опускаясь рядом.

– Животных, – встрепенулся Михей.

Задумчиво уставилась на блестящий в руке камешек и пробормотала:

– Внешне почти не помню: большие, неуклюжие. А еще теплые и мягкие.

Он прикрыл глаза, видимо, воображая загадочных тварей.

– Продолжай...

– Я прекрасно помню то ощущение нежности и преданности, что дарили любимцы. Забавно, прошло столько лет, но моя любовь не утихла.

Михей вскочил на ноги и счастливо объявил:

– Поздравляю!

– С чем? – опешила я.

– С победой! Ты вернулась на Гранит и поборола страх прошлого.

Не сразу поняла, что он прав. Среди обломков я возродилась, восстала из мертвых.

– Спасибо, – выдохнула, потирая глаза.

– Снова страшно? – участливо спросил Михей.

Косо улыбнулась и поднялась на ноги. Отряхнула с брючин песок.

– Это слезы облегчения.

Михей запустил руку в рюкзак и выудил из него фляжку с водой.

– Будешь?

– Нет, – отказалась я. – Выдержу испытание до конца.

– На руках на борт не потащу, – предупредил он, прихлебывая из фляжки. – Любая дружба имеет пределы.

– Не волнуйся, обезвоживание мне не грозит, – рассмеялась я.

Михей сложил на груди руки и недоверчиво воззрился.

– Кактусы! – объявила я. – Это не только ценная влага, но и уникальный источник питательных веществ. А еще они вкусные.

– Ты не помнишь животных, но знаешь вкус кактусов? – насторожился Михей.

– Представь себе. Кактусы, они вот – рядом.

Сказала и задумалась: увидеть бы наших любимцев, хоть одним глазком... Вселенная огромна, и, вдруг, среди неизведанных планет еще обитают эти загадочные существа?

Насытившись сочной мякотью кактусов, мы обошли всю колонию. Михей, утратив интерес к раскопкам, все же отказался вернуться на корабль. И даже ночевать остался под открытым небом. Усевшись спиной к спине, мы задремали, и оставшееся время ссылки попросту проспали.

Глава 5

Михей вернул меня на Тифон невредимую и радостную. Поборов страх, я возродилась. Восстала из пепла прошлого. И приготовилась к новым испытаниям и победам.

Пошептавшись с десяток минут с пилотом, Медведь поздравил меня с возвращением. Стиснул мою ладонь лапищами и энергично потряс.

– Добро пожаловать обратно, дочка. Всегда верил, что ты достаточно сильна.

Никогда прежде он не называл меня так. Расчувствовалась.

– Для чего? – гнусаво переспросила, усилием воли удерживая подрагивающую нижнюю губу.

Медведь испытующе взглянул из-под мохнатых бровей.

– Прости за эту проверку.

Высвободила руку из стального захвата бати и отвернулась.

– Заслужила наказание.

Медведь гулко вздохнул и пробасил:

– Пойми, без этой вынужденной меры я не мог продолжить твою подготовку. Не мог предложить тебя клиентам.

Вскинула голову и гневно вспыхнула:

– Ты предвидел смерть Малыша?..

Нет, я верила, что батя великий стратег. Но не настолько же!

– Гибель одного «птенца» стала поводом взрастить другого, – сдавленно пробормотал Медведь. – Мне в любом случае пришлось бы устроить тебе контрольный тест.

Кивнула, соглашаясь. Телохранитель, дрожащий от собственной тени, не станет достойным выпускником. А авторитет Медведя подорвет. Еще как!

– Можно теперь вернуться к ребятам? – тихо спросила я.

Медведь обнял за плечи и потянул в сторону санитарного отделения.

– Придется еще потерпеть. Медики осмотрят тебя и введут поддерживающие инъекции: две планеты подряд – это не шутки.

На деле все оказалось не так просто, как заявил батя. Порцию детоксина, глюкозы и витаминов я получила. Но вместе с дотошным старикашкой-психотерапевтом. Въедливым, как ржавчина. Элитчики так его и прозвали – Ферруго. Всегда бледный, с россыпью старческих пятен по лицу и шее, он, и правда, сильно походил на проржавевший лист железа.

Исчеркав блокнот заметками, медик присоединил ко мне полиграф. Эмпат Ферруго любил этот древний прибор за эффективность. Двойная доза промывки мозгов оказалась испытанием покрепче высадки на Гранит. Но и ее я перенесла достойно.

К себе в блок вернулась, пошатываясь от усталости. И тут же завалилась на койку. Блаженно прикрыла глаза. Привычный гомон ребят казался сладкой музыкой после часового гундежа Ферруго.

Напарники в очередной раз спорили, кто займется стиркой формы. Я натянула одеяло до подбородка и вполне успешно прикинулась мертвой. Но меня и не пытались привлечь к общественному труду. Зато втроем наседали на одного неудачника. Вот его непривычный голос и сбил меня с толку.

– Амон?.. – аж подпрыгнула, узнав. – Ты тут чего забыл?

Блондин зыркнул на меня, как на червя с Лирины, схватил кучу шмотья и ринулся в помывочную.

– А он теперь с нами, – хохотнул Бобер. – Уронил его Медведь с орбиты славы.

– За что?.. – едва слышно пробормотала я.

Дылда присел рядом и заговорщически склонился к моему уху.

– Амон пожертвовал «хозяином» ради спасения. Медведь не прощает подобных выходов. Даже спасение пятерки не сошло за оправдание.

Я неверяще округлила глаза и уставилась на приятеля.

– Из элиты Амона перебросили к нам? А ведь его должны были предложить покупателям...

Бобер, обычно хамоватый и едкий, тоже выглядел растерянным. Он подтащил табурет к моей койке и присоединился к обсуждению.

– Вместо него на торги отправился Чистюля. Наш парень спас «куколку» и доказал право быть телохранителем. Не купят сегодня – отправился в пятерку к элитчикам. О, как!

Только тогда заметила, что командира пятерки нет в блоке. Но радость за Чистюлю сменялась беспокойством за Амона.

– Он же спасал товарищей...

Бобер хмыкнул и покосился на помывочную: за закрытой дверью бывший элитчик вымещал обиду на постирушках. Громыхание тазов и громкий плеск воды сообщал, что форма будет сиять чистотой. При условии, что не застирается до дыр.

– Ты ж, вон, за Малыша вступилась, – возразил Дылда. – И что получила?

Закусила губу и мрачно кивнула. Потом подумала и призналась:

– Я рада, что побывала на Граните. Задание помогло примириться с прошлым.

– Первая отличная новость за сегодня! – объявил Дылда и хлопнул меня по плечу.

Потерла ушибленное место и притворно пожаловалась:

– Не думала, что вы за меня переживаете...

Парни переглянулись и дружно заржали.

– Придумала тоже, – отрезал Бобер. – Переживали... Так, позлорадствовали.

– С другой стороны, с тобой мы сработались, – отсмеявшись, вставил Дылда. – А к новичкам привыкать придется.

– Точняк, – поддержал его Бобер. – Че терь с этим Амоном делать: только и жди прокола. А ты надежная, хоть и девка.

Мгновенно приобняла излишне разговорчивого друга за голову. Правой рукой прижала к себе, как родного, левой – коснулась виска. Выверенным движением надавила подушечкой среднего пальца на уязвимую точку.

Бобер шарахнулся от меня и чуть не свалился с табуретки. Прикрыл уши руками.

– У-у-у, ты че?... Знаешь, как неприятно. Будто по мозгам пошкрябала.

– Ага, – согласилась я, – знаю.

Соскочила с постели и вальяжно прошествовала к столу. Выудила из кармана очищенные от колючек и глохидий плоды кактуса.

– Налетайте, пока добрая. Мы с Михеем все заросли облазили, собирая.

Бобер недоверчиво потыкал пальцем продолговатый ярко-оранжевый стручок и поджал губы.

– Разве на Граните че-то растет? Я думал, там одни камни.

– Внимательнее надо слушать лекции, – гаркнул Дылда.

Я взяла нож и рассекла надвое спелый плод. Внутри было много семян, перемешанных со сладкой, клейковатой субстанцией.

– Не бойтесь, не отравлю. Только косточки выплевывайте – жесткие.

Дылда фыркнул и демонстративно отвернулся.

– Я после горилых ягод с экзотикой завязал. Лучше дождусь увольнительной: сходим куда-нибудь и пожем, как люди.

Бобер не стал настаивать. Вооружился ложкой и опробовал угощение с Гранита. Блаженно прикрыл глаза и похвалил:

– Сладко.

Ограничилась слабым кивком. Присмотрелась к Дылде и напонила:

– Горло еще болит? Ходил к медикам?

– Да ну их, – махнул рукой тот. – Само прошло. Лучше расскажи, как тебя Ферруго пытал.

Говорят, он мастер мозги промывать.

Поежилась от воспоминаний, но распространяться о процессе не стала. Чего ребят зря пугать.

– Пойди лучше Амона кликни, – предложила Дылда. – Раз сам не ешь.

– Еще чего, – насупился товарищ. – Обойдется.

– Фартовая права, – неожиданно поддержал меня Бобер. – Он терь, вроде как, с нами заодно.

– Нужны мы ему, как орден наемнику, – не унимался Дылда. – Он уже мечтал, как навсегда избавиться от наших рож. А тут такой поворот... Ненавидит он нас, вот че.

Крепко задумалась, поколебалась. Потом поднялась из-за стола и сообщила:

– Игнором мы его только обозлим. Ненавидит Амон нас или нет, но он в нашей пятерке.

Сказала и направилась к помывочной. Сердце громко ухало где-то в пятках. Мне определенно везло на абсурды: и на Граните побывала, и в руках Ферруго. теперь еще и с Амоном договариваться. Хотя, последнее обстоятельство вызывало скорее неловкость, а не панику.

Блондин самозабвенно выжимал одежду над раковиной. При этом его лицо выражало всю гамму чувств: от презрения до ненависти. Я даже вздрогнула.

– Пойдешь обедать? Я кактусы вкусные привезла...

Амон не обернулся и с яростью закинул отжатую тряпку в пустой таз. Склонился над раковиной и засунул голову под кран. Тоненький ручеек мутной воды оставлял бурые следы на его белых волосах.

– Дай побыть в одиночестве, – хрипло приказал бывший элитчик.

Подошла ближе и доверчиво положила руку ему на спину. Ободряюще похлопала.

– Ладно те, еще не все потеряно.

Амон отпрянул, как от ядовитой змеи. Сверкнул на меня глазами.

– Что *ты* знаешь о потерях? У меня отобрали шанс пробиться, обрести будущее...

Блондина трясло. Я искренне сочувствовала ему и попробовала утешить:

– Не горячись, ты еще можешь вернуться в элиту.

Амон схватил меня за шиворот и с силой швырнул на пол.

– Больше никогда не рискну «куколкой» ради напарников. И не лезь со своей жалостью...

Оставь ее друзьям-неудачникам.

С трудом поднялась на ноги. Проглотила остатки сочувствия и оскалилась.

– Теперь ты один из нас: такой же неудачник. Не приживешься в пятерке, и Медведь вышлет тебя с Тифона. Смирись.

Амон двинулся в мою сторону: перекошенное гневом лицо, побелевшие губы. Больше он не казался красивым. Заняла боевую стойку, приготовилась отразить удар.

Дверь помывочной распахнулась, и к нам ввалился Дылда.

– Пошли, Медведь пожаловал, – с подозрением осмотрел нас с Амоном и спросил: – Вы че тут, а?

– Ничего, – буркнул блондин, покидая помещение.

Дылда подвинулся, пропуская его. И снова загородил проход.

– Он тебя обидел?

– Нет, – дурашливо усмехнулась я. – Все в порядке. Пойдем.

Батя стоял в центре комнаты, придирчиво обводя «птенцов» суровым взглядом. Возле него замер в парадной экипировке Чистюля: важный и довольный.

– Так, ребятня, – начал Медведь, – у меня для вас две новости. Обе хорошие.

Мы с Чистюлей незаметно перемигнулись. Похоже, наш командир нашел себе достойного «хозяина».

Батя сложил могучие руки на груди и обнажил передний ряд зубов. Этот жест у него означал улыбку.

– Первое, – пробасил он, – Чистюля с сегодняшнего дня отправляется в вольный полет. Его выбрали.

Медведь никогда не упоминал имен хозяев, но мы знали, что где-то в недрах непроницаемого сейфа он трепетно хранит сведения о каждом «птенце».

– Второе, – продолжил батя. – С сегодняшнего дня командиром группы назначаю...

Напарники подобрались, выпятили грудь. Я покосилась на Амона: и в его глазах блеснула надежда. Пожала плечами и опустила взгляд: мне-то что.

– Фартовую! – закончил Медведь.

Я так и присела. Неверяще воззрилась на батю. А он – на меня.

– Чего зенки пучишь, принимай командование!

Встрепенулась и подскочила к Чистюле. Обменялась с ним рукопожатием.

– П-принимаю командование на себя, – с запинкой произнесла ключевую фразу.

– Вручаю... – Чистюля не сдержался и крепко обнял. – Молодец, Фортовая, заслужила!

Я смахнула скупую слезу. Обернулась к остальным и наткнулась на иронично-хвалебные взгляды Дылды и Бобра. И разъяренный – Амона.

Медведь с необычайной для его комплекции скоростью удалился и прикрыл за собой дверь. На радостях даже не устроил разнос за поедание кактусов. А, может, не заметил, что я нарушила правило и привезла с задания «гостинцев».

– Когда убываешь? – оживленно спросила я у Чистюли. – Сегодня?

Окрыленный сбывшейся мечтой товарищ взъерошил волосы на моей голове.

– Хозяин заберет меня через сутки. А пока... – он потер ладони друг о друга и объявил: – Гульнем напоследок! Согласны?

Дылда и Бобер радостно завопили. Я ограничилась поднятыми вверх большими пальцами.

Амон ликования не разделял и выглядел так, словно ему назначили с десятков земных лет каторги.

Чистюля настороженно прищурился и подошел к блондину.

– Пойдем, потолкуем?..

– О чем? – еще больше нахмурился Амон.

– О важном, – не остался в долгу Чистюля.

Ухватил блондина за рукав куртки и потянул в сторонку.

Амон резко вывернул руку и освободился из захвата. Едва не брызгая слюной, возмутился:

– Думаешь, возвысился, раз получил хозяина?.. Такое отребье мог купить только заживший частник или колонист-недоучка.

– Не суди о том, чего не знаешь, – посоветовал Чистюля. – Напрасно полагаешь, что мои ребята – отребье. Да, они не приучены к этикету и не знают латыни. Но любому из них я доверил бы свою жизнь, не раздумывая.

– Так ты об этом собрался говорить? – взвился Амон. – Станешь расхваливать бывших подчиненных?.. Не желаю это слушать.

Блондин демонстративно отвернулся и вскинул подбородок.

– А придется, – заключил Чистюля, глядя на его спину. – Медведь велел перед отъездом предоставить отчет по каждому члену команды. И это он приказал провести с тобой профбеседу. Но, раз ты отказываешься, предложу батю перевести бунтовщика в другую группу.

Я заметила, как испуганно вздрогнул блондин. Еще бы, кому охота попасть в пятерку мятежников. От них одна дорога – в наемники, «на мясо».

Амон крутанулся на пятках и торопливо вышел в коридор. Уже возле двери обернулся и крикнул:

– Ну, ты идешь?..

– Придумайте, куда поедем праздновать, – предложил нам Чистюля, следуя за ним. – Мы быстро.

Он выскочил вслед за Амоном и захлопнул дверь.

Пока Бобер и Дылда с упоением обсуждали достоинства и недостатки злчных мест Галактики, я прислушивалась. Из коридора доносился размеренный, спокойный голос Чистюли. Он что-то втолковывал блондину. Тот возражал: гневно и пафосно.

Постепенно голоса перешли на шепот. Амон, вроде, успокоился и вскоре перестал возражать. Это только раззадорило мой интерес. Решилась: сконцентрировалась и поплыла в другую реальность.

– Эй, хорош шаманить, – оборвал мои действия Дылда. – Лучше скажи: Зефир или Марс. Где тебе больше нравится?

– Мне без разницы, – я вяло пожала плечами.

– Да ладно те, – проворчал Бобер. – Че, и спорить не будешь?.. Так не интересно.

– Она терь командир, – напомнил Дылда, – оттого и важничает.

Выдохнула и закатила глаза. Вот ведь пристали.

– На Землю хочу, – объявила я. А че: командир, так командир. – Хоть раз побывать.

– До-о-орого, – проскулил Дылда. – У меня столько нету.

– Так Чистюля обещал проставиться, – нашелся с ответом Бобер. – Пускай выполняет. И ваще: Малыш говорил: в трущобах много интересного водится. Заодно и опробуем.

При упоминании о погибшем друге, все приуныли. И желание праздновать сменилось намерением утопить горечь в бrage.

Из мрачного омута воспоминаний нас выдернуло появление переговорщиков.

– Что решили? – с ходу поинтересовался Чистюля. – Куда летим?

– На Землю, – пробормотал Дылда.

Улыбка сплыла с лица Чистюли. Эмпат, пусть и слабый, он чувствовал настрой команды. И поддерживал, как мог.

– Заметано, – одобрил план Чистюля. – Доставайте имперялы: поездочка недорого обойдется.

– А ты че, разве не банкуешь? – недовольно прошелестел Дылда.

– Ребят, мне для вас ничего не жалко, – расщедрился Чистюля. – Отдам все, что скопил. Но боюсь, этого недостаточно.

– Я вложусь, – поморщился Амон. – Хочу ужраться до радужных пони и забыть на время о вашем существовании. И о своем тоже.

Медведь скептически отнесся к нашему желанию посетить Землю. Но Корабль выделил. И имперялов подбросил: столько, чтоб хватило на топливо и стоянку в космопорту.

– На рожон не лезть, меру блюсти, – предупредил батька, застегивая на нас ошейники. – У вас трое суток, не больше. «Золушки» мои безнадежные.

Пощупала металлическую пластину на шее, повертела головой.

– Кто мы? – не совсем поняла последнюю фразу командира.

Не то похвалил, не то подколол. Наш Медведь, суровый вояка и строгий командир, обожал сказки, эпос и разные древности. Мог часами рассказывать о книгах, картинах и скульптурах. И выражался порой так – фиг поймешь.

– Неважно, – отмахнулся Медведь и фыркнул. – Главное: через трое суток ваши «тыквы» разнесет по всей Галактике. Так что потрудитесь до этого времени вернуться.

Дружно покивали: еще бы не согласиться на такое заманчивое предложение. И приступили к отправке. Амон взял управление кораблем на себя и проложил курс на заветную планету. Мы же расселись на пассажирских креслах, всецело предвкушая потеху.

Блондин оказался умелым пилотом, и полет на Землю на небольшом тренировочном корвете для пассажиров пролетел незаметно. Я даже умудрилась вздремнуть.

Разбудил меня Бобер. Потряс за плечо и завопил:

– Встава-а-ай, прибыли-и.

– Отстань от девчонки, – остановил его Чистюля. – Две высадки подряд, а потом еще промывка мозгов у Ферруго – пусть отдохнет.

– Не, я все понимаю, – подпел Бобру Дылда, – но спать во время гиперпрыжка?.. Мне и то так не суметь.

– Учись, – огрызнулась я, открепляя страховочные ремни. – Что за порт?

– Тортуга, – сообщил Амон. – Место обитания пиратов, воров и прочего сброда.

– Ого! – присел Дылда. – Славное местечко.

– Вы же хотели экстрима, вот и получайте, – ехидно напомнил Амон.

Дурная слава космопорта Тортуга ходила далеко за пределами Солнечной Системы. Сюда слетались продавцы краденого, наемники и те, кто искал приключений на свои пятые точки. Мы себя причисляли к последним.

Азарт этого местечка и ни с чем не сравнимая атмосфера космопорта накрыли нас, едва спустились по трапу. Корабли стояли хаотично: кто где приткнулся. Между железными гигантами сновали торговцы драгоценностями, легкими наркотиками и собственными телами. Как говорится: товар на любой вкус.

– Эй, красавчик, не желаешь порезвиться? – приторно пробормотала полуобнаженная гурия, вешаясь на Амона.

Блондин смерил ее придиричивым взглядом и покривился.

– Нет. У тебя волосы грязные и изо рта воняет.

Обряженная в полупрозрачное платье распутница не сдалась: стянула с округлого плеча бретельку и приложила руку Амона на пышную грудь.

– А ты сними номер и помой меня как следует...

Блондин отдернул руку и пошел дальше. Отвергнутая блудница перекинулась на Дылду, но и тот не захотел воспользоваться ее услугами.

Мы с Чистюлей шли последними. И откровенно забавлялись происходящим.

Блудница пристально посмотрела на моего спутника, но подойти не решилась. Что ни говори, а комплекция у меня еще та. Для пущей убедительности я прищурилась и поиграла бицепсами. Настойчивая торговка впечатлилась и затерялась в толпе.

Шум оживленных улиц непривычно резал слух. Из распахнутых дверей забегаловок воняло прогорклым пивом и мясным варевом. В узких улочках расположились торговцы со своими палатками и товарами. В прозрачных витринах призывно крутили задами полуголые девки и парни.

– Хочешь, куплю тебе одного? – поддел Амон, когда я, разинув рот, засмотрелась на кудрявого парня с обнаженным торсом и серо-голубой кожей.

– Нет! – отрезала и обратилась к Чистюле: – А чего он такой... странный?

– Мутант, – ответил за него блондин. – Очередной эксперимент по выведению идеальных солдат: безотказных и сильных. К службе жертвы науки оказались негодными, но, как видишь, выносливость помогла им в другом деле.

Меня передернуло: от жалости и одновременно отвращения. Больше вопросов не задавала и по сторонам смотрела с осторожностью.

В очередной подворотне, на длинном деревянном ящике сидел престарелый дедок. В его покрытых старческими пятнами руках поблескивали незнакомые предметы.

– Что это? – проявила я интерес.

– Золотые побрякушки, – хмыкнул неугомонный Амон. – Такие уже не носят.

– Этот металл утратил свою ценность больше тысячи лет назад, – напомнил Чистюля. – Найденные на Марсе кристаллы стали топливом для гипердвигателей и главным обеспечением денежных единиц Империи.

Золото приворожило меня. Такого теплого, чистого цвета я еще не видела.

– Купи, доченька, – прохрипел торговец, – оно принесет тебе счастье.

Не поверила, но товар осмотрела. Выбрала длинную цепочку, на которой болталась плоская коробочка в форме сердечка. Заплатила, не торгуясь. Да и взял дедок совсем немного – хорошо, если на полный продпаек хватит.

– Ты себе еще уши проколи, али пуп, да серьгу туда вставь, – съехидничал Бобер. – Говорят, так раньше делали.

– Вот себе и вставь, – порекомендовала я. – В язык. Али еще куда.

Покосилась на его пах и предложила:

– Могу и дырку проковырять.

Бобер шустренько ретировался и больше ничего не предлагал.

Покрутила на ладони покупку. Сбоку у кулона обнаружилась мизерная кнопочка. Ткнула в нее ногтем – и сердечко распалось на две половинки.

– Сюда раньше вставляли фотографии родных или близких, – прошамкал продавец. – Или волосок с головы возлюбленного.

Дылда склонился к моему уху и заговорщически прошептал:

– Хошь, я у белобрысого надергаю?

– Больно надо! – взбрыкнула я.

Изображений любимых людей у меня не осталось, зато в кармане куртки лежал камушек с Гранита. Он как раз уместился в углублении кулона.

– Пошли, сколько можно тут торчать, – возмутился блондин и быстрым шагом рванул дальше.

Надела цепочку на шею и, насвистывая, покатила вслед. Амон ловко ориентировался в переходах и улочках. Будто бывал на Земле не раз.

Чистюле этот факт тоже показался подозрительным.

– Ты раньше посещал Землю? – уточнил он у проводника.

– Я здесь вырос, – расхохотался Амон в ответ.

Блондин вывел нас к ничем не примечательному приземистому зданию. Покосившаяся вывеска над ржавыми воротами вещала: «Домик Диониса».

– Эт че, шутка такая?.. – Бобер сморщился, глядя на забегаловку. – Мы, ясен камень, беднота, но не настолько же...

– Не суди гранату по размеру, суди по мощности, – предложил Амон.

Прошествовал к воротам, оглянувшись по сторонам. И постучал, соблюдая определенный ритм.

В воротах открылась узкая дверь, и из нее вывалился бандитской наружности здоровяк с лазерной винтовкой наперевес. Сверкнул лысиной и наморщил лоб.

– Че надо, шантрапа?

Амон произнес три коротких фразы на латыни и сунул бугаю за пазуху порцию империалов.

– Проходите, – разрешил охранник, отступая от дверки.

Не, нас мало чем можно испугать. Но винтовая лестница, уходящая вниз, в глубокий бронированный бункер, навевала массу отрицалова. Входная дверь захлопнулась, шелкнула блокираторами. И мы, как крысы, поташились внутрь «сейфа» за порцией обещанного «сыра».

Витки ступеней из рифленого железа вывели к длинному туннелю. Здоровяк с винтовкой указал на левое ответвление:

– Дальше дорогу найдете.

Амон чуть ли не вприпрыжку стартанул вперед. Мы – за ним, обмениваясь непонимающими взглядами.

Не успели сделать и пяти шагов, как услышали грохот музыки и возбужденные голоса. Они доносились из-за закрытых дверей в конце туннеля.

Здесь замок был кодовым. Амон пробежался по ряду мигающих кнопочек, и стальные створки разъехались в стороны. Мир вокруг преобразился. Мы замерли у входа, не решаясь войти.

– Ну как, нравится? – Амон подмигнул и первым ступил за порог.

– Ага, – от переизбытка чувств я перешла на шепот.

Набрала полную грудь воздуха и шагнула следом.

Интерьер заведения повторял атмосферу прошлых веков: зал, освещенный неоновыми вспышками; зеркальные дискошары; удобные светлые диванчики и деревянные столики. Возле стойки разливал напитки бармен, обряженный в кожаные трусы и ошейник с шипами.

Везде зеркала и бархат, а на центральной платформе одновременно выступали десять девушек и три парня. По периметру огромной залы были расставлены клетки из металлических прутьев – в них тоже танцевали стриптизеры.

– Ниче так... – приценился Бобер, сглатывая слюну.

– Ага, остаемся, – подхватил Дылда.

К нам подскочила молоденькая финтифлюшка в причудливом одеянии, больше походившем на кокон.

– Господа... – она метнула быстрый взгляд на меня и улыбнулась шире, – и дамы, позвольте представиться: Лана, администратор клуба. Предлагаю вам переодеться, за счет заведения.

Амон по-хозяйски ущипнул кокетку за зад и выдохнул:

– Проводишь?

Я привыкла к выходкам парней и никогда не возражала против их отношений с девушками. Но в тот момент будто гривер вселился. Возненавидела Лану, эту ухоженную, отполированную до блеска дамочку. Почувствовала себя грязью, засохшей на шпильке ее туфли.

Понуро опустив голову, поплелась вслед за напарниками. Лучше бы осталась на базе: почитала, посмотрела фильм, приняла ванну. Выспалась, на худой конец.

– Чего скисла, как брага на солнце?... – упрекнул меня Бобер.

– Ниче, – утерла рукавом нос. – Не нравится мне здесь. Лучше бы, как обычно, на Тиневру заявились: холодца поели и сидра попили. И девчонки там есть.

– Так то деревенские, – возразил Бобер. – А тут вона какие...

Ребята мечтательно закатили глаза, предвкушая десерты. И только Чистюля проявил сострадание:

– Не ревнуй, лучше себе кого-нибудь подбери. Мы-то тебе как братья, не годимся.

– Пора вкусить взрослой жизни! – объявил Бобер. – Не век в девках ходить.

Амон обернулся и загадочно на меня посмотрел. Усмехнулся и пошел дальше.

Я тихо вздохнула ему в спину и подумала: может, и правда – пора?..

Глава 6

Лана проводила нас в альков, сокрытый от глаз посторонних блестящей занавесью. Распахнула многоярусный шкаф и выдала парням по узким штанам из темно-синего плотного материала.

– Это джинсы, – заявила она, – модные раритеты прошлых тысячелетий. Майки оставьте свои – подходят к образу.

Повернулась ко мне и замерла в нерешительности. Постучала тонким пальчиком по пухлым губам – таким же пунцово-красным, как и ногти.

– Чего уставилась? – недовольно буркнула я. – Гони штаны.

На меня так еще никто не смотрел: пристально, с легкой завистью в глазах. Стало неловко и дико.

– Идем-ка, – прошептала Лана и поманила легким наклоном головы.

Пошла. Вслед за обаяшкой добралась по извилистому коридору до еще одного алькова. Эта комната была в разы меньше. Холодный белый свет ламп падал на огромное зеркало и высокий стул. На крючках и вешалках вдоль стен болтались совершенно нелепые пестрые наряды и жутковатые приспособления, напоминавшие клетки для тел из ремней и металлических вставок.

Тумбочка на витиеватых ножках почти скрылась под искусственными накладными волосами, тонной баночек-скляночек и хитроумных приспособ, о назначении которых я и думать побаивалась.

– Это моя гримерка, – улыбнулась Лана.

Подвинула стул ближе к зеркалу и приглашающе похлопала по сиденью:

– Располагайся, сделаем из тебя богиню.

Я вздохнула, но согласилась. Больше получаса терпела издевательства над своим лицом и волосами. Краем глаза косила на отражение: ниче особенного. Подумаешь, веки стали темными и блестящими, ресницы – длинными и пушистыми. Обозначились розовым скулы. Плотные сжатые губы заполучили невероятный объем. Ежик на волосах приобрел форму горного хребта Бахханы.

– Не хмурься так, – рассмеялась моя мучительница. – Все испортишь.

После этого она сняла с вешалки коротенькие трусы из такого же материала, как штаны парней.

– На, примерь.

Помотала головой и возразила:

– Я че, с горы рухнула: натрет же. В таком нательном белье далеко не убежишь.

– А ты и не бегай, – рассмеялась Лана и заговорщически подмигнула. – Это шорты, и они не трут.

Пока втискивала зад в хитроумные труселя, вспомнила все ругательства из репертуара наемников. Когда же неумная помощница подала мне ботинки на высокой платформе и майку, как рыба чешуя, вообще приуныла.

– Ты это серьезно? – уточнила я на всякий.

Лана сложила руки на груди и, с видом охотничьего кота, загнавшего добычу, заявила:

– Вполне.

Пришлось одеваться. Закончив, я повертелась перед зеркалом: серебристые чешуйки мерцали в ярком свете и переливались всеми цветами радуги. Невероятные трусы обтягивали попу и оставляли открытым прокачанный пресс.

Поприседала – удобно, вроде, и обувь вполне устойчива. Только ширинка больно врезалась в промежность, но один вечер потерпеть можно.

Администраторша довольно улыбнулась и повела меня в центральный зал. Там, развалившись на пухлом диване, ребята потягивали пиво и смаковали дорожные сигары. Я такие только в старых фильмах и видала.

– О! – воскликнул Бобер и облизнулся. – Кажется, наш заказ...

По-хамски подмигнул мне и потянулся ручищами.

– Фартовая, ты что ли?.. – оторопело пробормотал Дылда и прищурился.

Бобер вовремя отдернул лапы и покраснел.

– Я! – не без гордости объявила и плюхнулась на свободное место рядом с Чистюлей. – А вы кого ждали?

Сопровождавшая меня Лана ретировалась, на прощанье пожелав удачи.

– Потрясно выглядишь, – улыбнулся с другого конца столика Амон. – Парни тебя за одну из стриптизерш приняли, не узнали.

Он расхохотался и подтолкнул ко мне бокал с изумрудно-зеленой жидкостью.

– Угощайся.

Машинально схватила емкость и одним глотком опустошила наполовину. Закашлялась. Незнакомый напиток отдавал травяной настойкой и раздражал горло.

– Дрянь, – не оценила я заказ. – Только рот полоскать при простуде.

Несмотря на заявление, сделала еще глоток. Обвела взглядом притихших ребят.

– Да они тебя стесняются, – продолжил веселиться Амон.

– С чего бы? – удивленно вскинула брови.

– Мы тебя такой еще никогда не видели, – честно признался Чистюля. – А Бобер и Дылда досадают, что не признали сразу.

Наш разговор прервался появлением длинноногой красотки в полупрозрачной накидке. Дамочка тряхнула пышной гривой иссиня-черных волос и ловко запрыгнула на наш стол. Босой ступней отодвинула из центра пустые бокалы, освобождая пространство.

Вот тогда и догадалась, для чего нужен толстый штырь в центре стола. Стриптизерша вилась около него так, словно это была не железяка, а леденец – только не лизала. Хотя нет, один раз лизнула.

Телеса полуодетой брюнетки меня волновали мало. Развлекалась тем, что наблюдала за реакцией товарищей: ох, и забавные у них были рожи. Между делом потягивала вторую порцию напитка, поднесенную официантом. Приятная слабость окутала меня, захотелось чего-то такого, эдакого.

Громче заиграла музыка, и по залу поползли клубы туманной дымки. Испугалась, решила – пожар. Но Чистюля удержал от паники.

– Так надо, не волнуйся, – предупредил он.

Стриптизерша честно отработала плату и под шумок свалила с импровизированной сцены. Тут же появилась девушка с белой салфеткой и подносом: вытерла стол, расставила напитки и тарелки с закуской.

Есть не хотелось. Ведомая диким порывом, схватила Чистюлю за руку и потащила на танцевальную площадку. На мое счастье, движения танцующих походили на брачные игрища птиц Авилон и предполагали минимум умений и максимум эффекта.

Шаг, шаг, поворот. Повихляла задом, подрыгала руками. Переступила с ноги на ногу. Развернулась на месте. Веселуха!

– А ты недурно двигаешься! – Амон подкрался незаметно. – Хочешь еще коктейль?

Мотнула головой и недовольно процедила:

– Не, и так реакция заторможена.

– И пусть, – не унимался блондин, – мы же отдыхаем.

Покосилась на зеленую жижу в бокале, но не решилась.

– Вдруг нападение, а я пьяная.

Амон залился смехом, будто услышал шутку. Не стала его разочаровывать.

– Сам пей, раз нравится. Я лучше еще потанцую, а то от мягких диванов затекло все.

Блондин с ухмылкой покосился на мой обтянутый шортами зад и предложил:

– А со мной потанцуешь?

– Давай, – не отказалась я.

Амон проказливо надвинул на брови забавную шапку с козырьком и поставил бокал с напитком на ближайший столик. Подмигнул сидевшей за ним девушке.

Танцевал он отлично. Энергично, выразительно. Дерзко! Со стороны могло показаться, будто повторить его приемчики просто, но это лишь на первый взгляд. Тут работали все группы мышц, без физической подготовки и выносливости и пытаться не стоило.

Махи ногами и ритмичные движения рук блондина заводили зал. И меня. Амон прогибался, крутился, поражая пластикой и гибкостью.

Я изо всех сил старалась соответствовать партнеру. В дело пошли элементы акробатики и спортивной гимнастики. Спина покрылась испариной, майка облепила корпус. Но дыхание не сбилось – спасибо многочасовым тренировкам.

Толпа расступилась, освобождая пространство. И не думала, что танцевать – так приятно. Вселившийся в меня демон царапался изнутри, дергал за невидимые нити. И я, как марионетка, покорно исполняла его прихоти.

Амон сдался первым. Положил руку мне на плечо и шепнул горячо:

– Пойдем?..

Не стала спрашивать: «Куда?» – не маленькая. Провела пятерней по его блондинистой шевелюре и согласилась.

Амон все продумал заранее. Когда только успел? Вывел меня из клуба, провел мимо самодовольно ухмыльнувшегося охранника. Отпер магнитным ключом одну из дверей в правом ответвлении тоннеля.

Комната была темной и душной. И пахла плесенью.

– Свет включить? – предложил Амон.

– Нет! – взбунтовалась я.

В своей пятерке мы с ребятами настолько привыкли друг к другу, что попросту не различали разнополость. А вот обнажиться перед Амоном – тут спасовала. Глупо, по-детски, но струсил.

Стянула шорты и майку, наощупь взобралась на жесткую постель. Как *это* происходит, знала – Бобер часто хвалился подвигами. Развела в стороны колени, приняла Амона в объятия.

Хорошо, что не видела его лица. И могла не притворяться.

Жадные руки Амона шарили по моему телу, стискивали и мяли. Проворные зубы покусывали плечи.

– Не делай так! – не выдержала я.

– Почему? – искренне возмутился Амон.

Приподнялась на локтях и отстранилась.

– Мне не нравится.

Блондин почти грубо ухватился за мои бедра и вновь подмял под себя.

– А другие не жаловались. Так что расслабься и получай удовольствие.

И почему парням нравится эта возня? Я так и не поняла. Не больно, но и неприятно. Неужелюбе как-то. Танцевать мне больше понравилось.

Глухо простонав, Амон скатился с меня и сообщил:

– Никогда больше не связюсь с наемниками: не баба, а камень.

Заложила руки за голову и уставилась в темноту.

– Я телохранительница, попрошу не путать... – безучастно произнесла, без укора.

Хлопнула дверь – раздосадованный любовник покинул место позора. А я осталась и еще долго лежала на измятой, пропитанной потом постели. Мысли копошились, как растревоженные в улье пчелы. Решение приняла однозначное: никогда больше не влюблюсь. Так спокойней. Надежнее.

Отпустило. Рывком поднялась и подобрала с пола разбросанные шмотки. Неторопливо оделась. Поплевала на ладонь и пригладила растрепавшиеся волосы.

С видом императрицы прошествовала обратно в клуб. Заняла место на диване.

– Не понравилось? – без лишних реверансов спросил Чистюля.

Он один сидел за столом, лениво ковыряясь в огромной тарелке с сухариками.

– Нет, – также бесцеремонно отозвалась я. – Где остальные?

– Дылда уединился со стриптизершей, а Бобер там. – Чистюля мотнул головой в сторону танцплощадки.

Закинула в рот пригоршню сухарей и посмотрела на толпу дрыгунов. Едва не поперхнулась: Амон тоже танцевал – уже с новой партнершей.

– Наплюй, – предложил Чистюля. – Лучше понаблюдай за соседним столиком.

– А че там? – присмотрелась я.

Напротив нас кутили с десятков лихого вида ребят – бритоголовые, в форме без знаков отличий. Вооруженные до зубов.

– Наемники? – высказала предположение.

– Не нравятся они мне, – предупредил Чистюля. – Не развлекаться пришли, точно.

В очередной раз порадовалась эмпатическим способностям напарника. И согласилась с ним: «соседи» не пили, не засматривались на стриптизерш. Искусно делали вид, что находятся под кайфом. Но оружие – парализаторы новой модели – держали при себе. У двоих здоровяков из карманов торчали рукоятки лазерных пистолетов.

– Среди них эмпат: сильный, не ниже первого уровня, – накалил обстановку Чистюля. – Ощупывает посетителей.

Дар командира пятерки был слабым, неустойчивым. Но не раз спасал нас в экстренных ситуациях.

– Разведка? – предположила я.

Чистюля пожал плечами. Из его левой ноздри потекла тонкая струйка крови.

– Чтоб его... – прохрипел он и приложил к носу салфетку. – Рубанул так, аж глаза слезятся.

– Зачем ты с ним тягаться вздумал? – пробормотала я. – Сам сказал – сильный.

Чистюля шмыгнул и поморщился.

– Он мое сознание зацепил, пришлось выставить блок.

Занервничала: эмпат первого уровня мог держать под контролем десятков человек разом и диктовать любые условия. Вот только мы ему зачем?

Пока подозрительные личности присматривались к другим посетителям, предложила:

– Валить надо, нам приключения ни к чему.

– Боюсь, меня так просто не отпустят, – процедил Чистюля. – Эмпатическая связь продолжает действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.